

ЗАКОН И ВЛАСТЬ

№3
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Христианский универсализм как принцип концептуализации политического института в эпоху Средневековья.
Сулимов Н.Ю. 3
- Типология концепций политического института в истории развития политической науки. *Егоров В.Г.* 8

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Категориальный аппарат анализа политической толерантности.
Гончаров П.К. 13
- Политический дискурс в аспекте выделения типологии и признаков текстообразующих признаков. *Соболев В.В.* 18
- Политический дискурс как источник методологии и истории изучения в языкознании. *Мидова В.О.* 23

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

- Воспитание патриотической личности в условиях развития независимого государства. *Костолевский А.С.* 28
- Структура и функции политической культуры личности.
Долженко В.А. 32

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Теоретические основы и обеспечение политической деятельности государства. *Мусиенко Т.В.* 36

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

- Концептуальные основы современной региональной политики Европейского Союза. *Петухова Н.В.* 41

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

- Система органов государственной власти по реализации политики военного коммунизма. *Блинов Д.А., Шагаев В.А.* 47

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Административно-правовое регулирование поддержки малого предпринимательства на уровне субъектов РФ.
Пахомов С.А., Ломакин С.С. 50
- Система государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации: коллизии законодательства и способы их урегулирования. *Сидорова Д.В.* 54
- Динамика субъектного состава семейных правоотношений.
Телегин Р.Е. 59

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65005

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Авдийский Владимир Иванович**, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ (*гл. редактор*)
- Баранов Николай Алексеевич**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Буренко Владимир Иванович**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет
- Гончаров Петр Константинович**, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)
- Гущин Василий Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (*зам. гл. редактора*)
- Завершинский Константин Федорович**, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет
- Конышев Валерий Николаевич**, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет
- Корконосенко Сергей Григорьевич**, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет
- Косов Геннадий Владимирович**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет
- Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., директор Саратовского филиала, Институт государства и права РАН
- Мартынов Борис Федорович**, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
- Нисневич Юлий Анатольевич**, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
- Нурьшев Геннадий Николаевич**, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет
- Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ
- Сардарян Генри Тигранович**, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
- Скитович Виктор Викторович**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
- Смоленский Михаил Борисович**, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, РГУПС
- Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС
- Яковлев Александр Юрьевич**, д-р полит. наук, зам. заведующего кафедрой государственного и муниципального управления, Институт государственного управления и права, Государственный университет управления

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 05.10.2019
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

- Christian universalism as a principle of conceptualizing a political institution in the Middle Ages. *Sulimov N. Yu.* 3
- Typology of concepts of a political institution in the history of the development of political science. *Egorov V.G.* 8

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Categorical apparatus for the analysis of political tolerance. *Goncharov P.K.* 13
- Political discourse in the aspect of highlighting typology and signs of text-forming signs. *Sobolev V.V.* 18
- Political discourse as a source of methodology and history of study in linguistics. *Midova V.O.*..... 23

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

- Education of a patriotic personality in the context of the development of an independent state. *Kostolevsky A.S.* 28
- The structure and functions of the political culture of the individual. *Dolzhenko V.A.* 32

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- Theoretical foundations and support for the political activity of the state. *Musienko T.V.* 36

POLITICAL REGIONALISM. ETHNOPOLITICS

- Conceptual foundations of the modern regional policy of the European Union. *Petukhova N.V.* 41

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

- The system of state authorities for the implementation of the policy of war communism. *Blinov D.A., Shagaev V.A.* 47

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

- Administrative and legal regulation of small business support at the level of the constituent entities of the Russian Federation. *Pakhomov S.A., Lomakin S.S.* 50
- The system of state and municipal procurement in the Russian Federation: conflicts of law and methods of their settlement. *Sidorova D.V.* 54

ХРИСТИАНСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ КАК ПРИНЦИП КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Сулимов Николай Юрьевич,
студент, РЭУ им. Г.В. Плеханова

Средневековье – переходный период между сутками античности и возрождения. Временные границы его составляют V–XV в, входит в рамки доклассического этапа развития политической мысли. Неотделимость западноевропейской истории от христианства, ставшего официальной религией Европы, способствовало получению им всех привилегий и прав, которые ранее принадлежали на этих территориях язычеству. Исследователи истории эпохи Средневековья отмечают, что античная традиция общественно-политического мышления сохранилась в виде, брошенной на растерзание, и уже не претендовала на первенство. Когда она осталась на обочине, ей еще больше овладевала христианизация. Опыт социально-политической жизни периода древнегреческого полисного устройства вошел в забвение. Понятие "духовность" и «нравственность» приобрели исключительно христианский смысл и объясняли пути достижения лишь внеземных благ. На стадии зарождения христианская доктрина еще опиралась на отрицание рабовладельческой государственности и платоновскую идею о превосходстве духовного мира над материальным, мысль Аристотеля о Боге как первопричине, идею стоиков о том, что материальный мир пронизан духом.

Ключевые слова: правовые учение, период, государство, функционирование, принципы.

«Средние века, – замечает А. Лейст – период упадка в истории политических и правовых учений по сравнению с античным миром. Смещение центра внимания общественного сознания с государства к церкви, устремленность значительной части этого сознания к потусторонним, внеземным идеалам, господство догматического мышления, строго ориентированного на тексты Святого Писания и каноны церкви, в результате, резко сужало тематику и содержание политико-правовых доктрин» .

В рамках христианской мировоззренческой традиции видения мира и человека было сформулировано с учетом ее основополагающих принципов. Однозначно: ориентация на духовный абсолют невозможным развитием политической составляющей в функционировании общественного организма. Целенаправленная формулировка образа "внутреннего человека" (духовность, вера, греховность) повлекла разрушение сути "внешнего человека" (социальность, политичность, гражданское состояние, собственность). Средневековое мировоззрение монополизировало жизни отдельного индивида, охватило физические и метафизические элементы общественной жизни – время, государство, политику и язык, а концептуализация политического человека основывалась на принципе христианского универсализма [10, с. 82].

Падение Римской империи не привело к разрушению христианского мировоззрения, а трансформировало его в официальную религию. Руководители последней попытались осуществлять свою деятельность в духовном и светском стилях общественной жизни, что способствовало формированию государственных и церковных институтов. Приоритет человека уменьшался, зато авторитет церкви, монашеских орденов, монастырей неуклонно рос. В связи с тем возникает совокупность «институтов, которые создавали и регулировали обязанности повиновения и служения... одного свободного человека (вассала) другому свободному человеку (сеньору)» [9, с. 35]. Децентрализация, феодальное устройство и фрагментация власти свели становление государства (в традиционном его понимании) на маргинес, а человеческая

сущность приобрела признаки "ничтожности" и "бездарности".

Социальное, политическое, культурное и духовное бытие составляли безраздельный конгломерат на протяжении средневековой истории, что сказалось на толковании человеческой природы. Показательной в этом аспекте является работа Е. Канторовича «Два тела короля», где автор констатировал: одно политическое связанное с титулом монарха, выполнением его функций, оно лишено всяческих недостатков и физических изменений, другое – человеческое, что определяет монарха как личность [8, с. 26].

Проблема становления политического человека, в исследуемый нами период заключалась в угнетении христианскими постулатами и догмами биосоциальной и политической природы человека. Собственно, в эпоху Средневековья изменилось смысловое наполнение понятия «человек политический» и в общем человеческой природы.

В труде "Европа в Средние века" Ж. Дюби интерпретирует реальность Европы XI в. в виде недостаточно цивилизованного общества, охваченного страхом опасности, и необходимости воевать. Соответственно, в так называемом вакууме военных событий сформулировался идеальный образ человека – «воина» преданный ремеслу, что исповедует культ «благородного строения тела». В XI-XII в. сложился морально-этический образ рыцаря, который отличался светским характером и противопоставлялся аскетизму [7, с. 8]. По сути, политический человек предстал в новом типе – рыцаря (*Homo stratioticus*) – главного героя средневековых социально-исторических стихов и мышления «времени монастырей».

В позитивном свете средневековую европейскую действительность рассматривает Ж. Ле Гофф в труде "зарождение Европы". Автор, поддерживая позицию Л. Февра, обосновывает: «на Протяжении всего Средневековья главные идеи христианской культуры... и сильное влияние христианства сыграли свою роль в формировании общего образа мышления..., секуляризованного мировоззрения, что дали толчок для формирования европейского сознания».

Перманентный процесс христианизации в XI – XV вв. сформировал своеобразный способ интерпретации всех сфер человеческой жизни, в дальнейшем наполнив их религиозным содержанием, вследствие чего возникла тотальная сакрализация человеческой жизни. Процесс универсализации христианской отражал прежде всего идею единства, которая воплощалась во многих аспектах человеческой жизни. Прежде всего исповедовалось единство человеческого рода и божественной сущности (она воплощала и естественное, и сверхъестественное бытие), что противопоставлялась единства политической как союза человеческого и государственного. Единство в вере в Бога воплощалось в христианском сообществе и "граде Божьем". Таким образом, христианское мировоззрение предопределило двойственную природу человека, где, соединилось временное (земное,

политическое, светское, государственное) и вечное (духовное, божественное), христианское и гражданское бытие.

Религия как инструмент влияния на общественное сознание сформировала верующего человека – человека исполнительницу христианского долга. Ж. Ле Гофф отмечал: тогдашний индивид насколько перенят жадной спасения и страхом перед адом, игнорирующий недостаток пылкого желания к жизни, энергии и стремления к богатству. Лишь со временем в процессе от натурального обмена к денежному сдвинулся с места социальный и культурный застой общества, а взаимоотношения человека и Бога стали личным делом. По мнению Ж. Ле Гоффа, ментальность и форма поведения средневековых людей вызваны чувством духовной и материальной неуверенности. Система ценностей, основанная на грабеже, насилии и христианском традиционализме, поддерживала феодальное раздробление Европы, обостряла распыленность общества и запутанность властных полномочий. Иллюзия «невидимой опасности» и перманентное контролирование человеческого сознания превратило общество в совершенно безразличную массу, что перестала ценить земную жизнь и время [6, с. 100].

В труде «О Град Божий» святой Августин в истории человечества усматривал арену соревнования двух миров – «*civitas Dei*» и «*civitas terrena*», которые начинаются с космического разграничения ангелов и демонов. Каждое общество, с позиции мыслителя, имеет общие ценности, но одни живут ради тела и земных утех (светское государство), другие же – для сохранения духовных ценностей (Царство Божье). Такая позиция показала условное разделение людей на два общества с учетом принципов морали, что в христианской теологии рассматривалась сквозь призму религиозных догматов. Августин утверждал: «Человек – это душа, которую вдохнул в него Бог. Тело, плоть – униженные и греховные». Человек осмысливается в виде творения Бога и зависит от него, избирает собственный мир существования, принимая во внимание моральные ценности. Святой Августин допускал наличие человеческой свободы лишь для того, чтобы в дальнейшем ее осудить. Человеческое стремление к самостоятельности реализуется через поиск свободы, на пути которого человек погружается в бездну зла без возможности покинуть ее. «Свободная воля, – утверждал мыслитель, – достаточна для зла, но слишком ничтожна для добра, разве тогда, когда ей приходит на помощь Всемогущее Добро».

Важный шаг, направленный на утверждение политической действительности, – августиновская идея «правления народов» как независимых национальных государств, которые должны бы жить по принципу «Богу – богово, кесарю – кесарево». Следовательно, утверждается традиция трактовки двойственной природы человека в виде гражданина государства и гражданина церкви.

Принципиальные изменения XI – XIII вв. в истории эпохи Средневековья стали предвестниками

новой культуры и ментальности. Наглядным примером было формирование христианского гуманизма: человека отражали не грешником, а существом, созданным по образу Божию. Интегративными формированиями социальной и политической жизни были города – главные очаги новой культуры, нового типа общественно-экономических отношений, мышления и науки. С тех пор появился другой тип человека – мещанин, что действовал в особой системе ценностей, где непрерывные торговые отношения, производство, разделение труда превращались в социально-экономическую действительность, которая предшествовала политической [5, с. 252]. Все это развивало в человеке способность к накоплению капитала, социальной мобильности и умения налаживать взаимоотношения.

Ж. Ле Гофф, придерживаясь взглядов Ж. Россио и М. Лобару, обозначил "средневекового человека" гражданином. Причем этот статус не зависел от социальных или профессиональных качеств: «Что общего, – размышляет Же. Россио, – между бедным и буржуа, канонистом и проституткой, ведь они все – мещане». Торговая хозяйка в городе способствовала формированию открытости индивида к внешнему миру, человека, которая развивалась благодаря взаимосвязи с общественной культурой и миром. Следовательно средневековый город стал культурным и общественно политическим сообществом, который детерминировал развитие личности и пошатнула веру в святость и нерушимость сословно-феодальных укладов.

Начало XIII в. отличалось теоретическим курсом относительно видения двух идеальных типов человека-куртуазного и честного. Этот этап в истории средневековой мировоззренческой позиции определял приоритетными арсенал земных ценностей. Именно такая традиция способствовала акцентированию на чувственных и физических качествах человека, начатых общественно-политической жизнью [4, с. 92]. Символом цивилизованности, воплощения рыцарских благородных особенностей, дворянства и аристократии становился куртуазный тип человеческого идеала. Он основывался на телесном срезе личности – внешнем виде, манерах поведения и общения. Вместе с тем появился идеал честного человека, детерминированный внутренними чертами личности – мудростью, сдержанностью, гармоничным сочетанием храбрости и скромности, величия и здравого смысла. Однако все величие индивидуального идеального типа усиливается коллективным идеалом, выраженным в причастности человека к роду, братству, корпорации [3, с. 154].

Начало XIV в. ознаменовало собой новый этап властвования, где ведущее место уже не принадлежало свойственным этому периоду общественно-политическим актерам. На первом плане предстали банкиры, купцы, торговцы, которые пытались основывать компании почти во всех городах. Общественная жизнь людей сосредоточилась в пределах торговых площадей – здесь происходил словесный и имущественный обмен благами.

Высшая культура не была теологической, а основывалась на практических, гражданских, светских и правовых началах. Средневековое христианство признавало только Бога, а общество становилось далеким от экуменизма, закрытым и враждебным к другим. "Живописные композиции соборов, - отмечал Ж. Дюби, - теперь служат земному правосудию и политике». Центр притяжения искусства смещается в другую сторону – к искусству Ренессанса, которое потихоньку начинало выходить из-под опеки церкви. Вера перестает быть делом гражданской: теперь она – «секуляризована». Человек истово молится Богу в своих личных часовнях в одиночестве.

В конце XIV в. наблюдается формирование новой модели самопрезентации человека и социального диалога. Акцент сместился с заботы о внешнем и духовное к настоящей красоте и земным утехам. Светские критерии стратификации – происхождение и уровень достатка – породили враждебность к простому люду; в языке искусства политическая человек представала «животным» в дословном понимании этого слова.

Новым взглядом на сущность человека стало творчество А. Данте. В труде «О монархии» он видит цель человечества в деятельности ума, которого не способна достигнуть ни один человек, ни отдельное общество – для этой цели нужен союз всего человеческого рода [2, с. 142]. Политический индивид неотделим от общей монаршей государства и составляет единую общественную цель. Политичность индивида раскрывается в стремлении реализовать всеобщую цель человечества, минуя частные интересы. По-другому понимает цель человечества М. Падуанский, акцентируя на необходимости создания законов, регулирующих государственный образ жизни, народом, который состоит из «совокупности граждан или основной его части». Следовательно, движущей или производственной причиной политического тела становится в основном человек-законодатель. Такая концепция сделала возможным развитие человеческого общества, открывая путь к становлению вполне светского государства.

«В средние века человек был настолько подчинен церкви и государству, – констатировал В. Лейст, что только от дуализма духовной и светской властей что-то выигрывала его свобода: борьба церкви за политическую власть компрометировала идею неограниченности прав светских правителей, и, наоборот, отстаивание суверенности светских властей создавало идеи любого выхода из-под духовного диктата церкви». Свобода граждан, с позиции В. Оккама, является правом принятия решений, "вольностью", не способную уничтожить ни государственный, ни духовный правитель [1].

Подытоживая, приходим к выводу, что в рамках средневекового философско-политического мнения общественное единство трактовалось не сквозь призму «общественного объединения людей в полисе», а как «объединение человеческого рода с верой в Бога». Увлечшись образом и поиском Бога, и значением религии, мыслители оставили без

внимания фигуру личности. Политичность в виде основной естественной признаки человека считалась грехом, а естественное желание человека к созданию «Града земного» определялось лишь как телесная потребность и эгоистичное стремление. Вследствие христианизации прослеживались фундаментальные трансформационные изменения, которые оказывались в глубоком упадке античной идеи государственного устройства и политической жизни, сакрализации человеческого познания и сознания, приглушения биосоциальной и политической природы человека. Ее рассматривали только участницей религиозных и светских церемоний, которой присущ двойной гражданское состояние – человек как гражданин Церкви и гражданин государства. Идея трансцендентности Бога стала источником переосмысления индивидом миссии человеческого рода, что откровенно противоречило натурфилософской концепции античности. Христианство вызвало существенные изменения в понимании сущности человека политической, особенностями которой является греховная природа, вера в Бога, способность любить покорность властной иерархии, исполнение обязанностей христианина. Средневековое философско-политическое мышление ознаменовалось прева-лированием теологической концепции – ключевой ролью Бога в созидании государства и человеческой деятельности, что сказалось на общем развитии общества и трактовке человека как политикой существа. Человек политический в эпоху Средневековья, с учетом принципа христианского универсализма, предстает в таких исторических образах «существо долга», «рыцарь». «человек верующий», «христианин».

Литература

1. Брега А.В., Кафтан В.В., Митрофанова А.В., Сучилина А.А., Помигуев И.А. Теория и методология политической науки // Москва, 2019.
2. Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2017. Т. 9. № 3. С. 141-149.
3. Ветчинина А.Д., Беспалов В.Н., Лябах А.Ю. Государственное регулирование сферы предпринимательства в условиях санкций: поддержка или сдерживание? // В сборнике: Политико-нравственные механизмы противодействия коррупции Сборник трудов Шестого межвузовского дня научного творчества. ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России». 2018. С. 153-160.
4. Гафиатулина Н.Х., Олишевский Д.П. Социально-политические процессы: вопросы прогнозирования // Навигатор в мире науки и образования. 2017. № 3 (36). С. 92.
5. Глебов В.А., Гроссман О.Д., Гришин В.О. Методы противодействия распространению радикальных идей в России: актуальный ракурс // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 2 (42). С. 251-259.
6. Григорян М.М., Пятиконов К.А. Ограничение импорта Российской Федерации в условиях анти-российских санкций: отношение к принятому политическому решению // В сборнике: Особенности государственной политики России в условиях санкций седьмая межвузовская научно-практическая конференция. Академия гражданской защиты МЧС России. 2019. С. 99-105.
7. Курочкина К.В. Прикладные методы в политических исследованиях: теория и возможности практического применения в изучении проблем нациестроительства // Огарёв-Online. 2019. № 4 (125). С. 8.
8. Шамахов В.А., Ковалев А.А. Оппозиция "мир - война" как явление гибридной политической реальности // Политика и общество. 2018. № 7 (164). С. 25-39.
9. Шилин Л.Е., Сучков Д.М., Микрюков В.О. Методы управления общественным мнением через современные российские СМИ в условиях санкций // В сборнике: Особенности государственной политики России в условиях санкций седьмая межвузовская научно-практическая конференция. Академия гражданской защиты МЧС России. 2019. С. 34-41.
10. Щавелева М.Б. Тренинговые технологии в современном образовательном процессе // В сборнике: Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения) Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. 2020. С. 81-83.

Christian universalism as a principle of conceptualization of a political institution in the Middle Ages

Sulimov N.Yu.

PRUE G.V. Plekhanov

The Middle Ages is a transitional period between the days of antiquity and renaissance. Its temporal boundaries constitute the 5th – 15th centuries, it is included in the framework of the pre-classical stage in the development of political thought. The inseparability of Western European history from Christianity, which became the official religion of Europe, contributed to the receipt of all the privileges and rights that previously belonged to paganism in these territories. Researchers of the history of the Middle Ages note that the ancient tradition of social and political thinking was preserved in a form left to be torn apart, and no longer claimed to be the first. When she was left on the sidelines, Christianization took hold of her even more. The experience of the socio-political life of the period of the ancient Greek polis system fell into oblivion. The concepts of "spirituality" and "morality" acquired an exclusively Christian meaning and explained the ways of achieving only extraterrestrial benefits. At the inception stage, the Christian doctrine was still based on the denial of the slave-owning state and the Platonic idea of the superiority of the spiritual world over the material, Aristotle's thought about God as the primary cause, the Stoics idea that the material world is permeated with spirit.

Keywords: legal doctrine, period, state, functioning, principles.

References

1. Brega A.V., Kaftan V.V., Mitrofanova A.V., Suchilina A.A., Pomiguyev I.A. Theory and methodology of political science // Moscow, 2019.
2. Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and archeology. Philosophy. Political science. 2017. Vol. 9. No. 3. P. 141-149.
3. Vetchinina A.D., Bepalov V.N., Lyabakh A.Yu. Government regulation of entrepreneurship in the context of sanctions: support or containment? // In the collection: Political and moral

- mechanisms of combating corruption. Collection of works of the Sixth interuniversity day of scientific creativity. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Academy of Civil Protection EMERCOM of Russia". 2018.S. 153-160.
4. Gafiatulina N.Kh., Olishevsky D.P. Socio-political processes: forecasting issues // Navigator in the world of science and education. 2017. No. 3 (36). P. 92.
 5. Glebov V.A., Grossman O.D., Grishin V.O. Methods of countering the spread of radical ideas in Russia: an actual perspective // Political science issues. 2019.Vol. 9.No. 2 (42). S. 251-259.
 6. Grigoryan M.M., Pyatikonov K.A. Restricting imports of the Russian Federation in the context of anti-Russian sanctions: attitude to the adopted political decision // In the collection: Features of the state policy of Russia in the context of sanctions seventh interuniversity scientific and practical conference. Academy of Civil Protection EMERCOM of Russia. 2019.S. 99-105.
 7. Kurochkina K.V. Applied methods in political research: theory and possibilities of practical application in the study of the problems of nation-building // Ogarev-Online. 2019. No. 4 (125). P. 8.
 8. Shamakhov V.A., Kovalev A.A. Opposition "peace - war" as a phenomenon of hybrid political reality // Politics and Society. 2018. No. 7 (164). S. 25-39.
 9. Shilin L.E., Suchkov D.M., Mikryukov V.O. Methods of managing public opinion through modern Russian media under sanctions // In the collection: Features of Russian state policy under sanctions, the seventh interuniversity scientific and practical conference. Academy of Civil Protection EMERCOM of Russia. 2019.S. 34-41.
 10. Shchhaveleva M.B. Training technologies in the modern educational process // In the collection: Problems of higher education and modern trends in socio-humanitarian knowledge (VIII Arsentiev readings) Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation. 2020.S. 81-83.

ТИПОЛОГИЯ КОНЦЕПЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Егоров Владимир Георгиевич,
д.ист.н., д.э.н., проф., РЭУ им. Г.В. Плеханова

Научное осмысление главных феноменов политического пространства остается неизменно актуальным на протяжении становления политической науки. Несмотря на то, что феномен политического человека является наследием философско-политической традиции Античной эпохи, дискуссии о его сущности составляют предмет исследований современной политической науки. Одной из причин, которая обусловила возврат и рост научного интереса к понятию «человек политический», есть процесс «очищения» (так называемая смерть человека) в антропологических и обществоведческих науках на протяжении XX века. Это частично вызвано: идеей рациональности, аналитическим мышлением, институциональным и системным подходами к изучению политической жизни общества; потерей человеком собственной субъектности как политического творца и источника демократического строя; масштабностью возрождения политической науки в результате пост бихевиоральной революции, которая разнообразила проблемное поле национальных школ, которые сосредоточились на исследованиях мотивов и факторов политического поведения человека и идеологизации сознания.

Ключевые слова: исследователи, поведение человека, политический лидер, суть исследования, идеи.

Понятие «Homo politicus («человек политический») исследователи рассматривали в целом сквозь призму политики, власти, государства, политической деятельности или политического участия. Причем, как уже упоминалось, в русскоязычном пространстве, в частности в словарях и учебниках по политологии, определение понятия достаточно не концептуализированное и рассматривается преимущественно в виде политического лидера, профессионального политика и проч.

В пределах политической науки изучение сверхсложных политических феноменов происходит через ряд других отраслей политического знания – политической социологии, политической психологии, политической философии, политической истории, политической философии, политической антропологии. Поэтому в контексте философского подхода человек политический является «субъектом истории»; в социологическом – «человеком в системе политических отношений или гражданином»; в политико-культурном – «субъектом с поведенческими мотивами и актами»; в политической психологии она возникает в системе отношений «человек – политика – власть» [2, с. 120].

Суть исследований гуманитарных наук составляет неизменно от времен Сократа лозунг «Познай самого себя», переформулированный И. Кантом на ключевую проблему философии: «Что такое человек?» То, как мы отвечаем на этот вопрос, и задает нам классификационное основание, критерий для оценки всего человеческого. Понимание истины о человеке позволяет определить, что является для него благом. Такое знание взамен легитимизирует политические действия, институты и практики, направленные на достижение познанныго блага.

Взаимодетерминированность в общественно-политической среде порождает проблему человека, на которую влияет социум в процессе формирования личностных качеств и определении собственных жизненных позиций. Личность является постоянным участником различных сфер общества, что предопределяет разнообразие исследований и концептов с осмысления проблемы человека. К важным факторам определения проблемы человека в политике принадлежит гуманистический аспект философского знания, которое трансформируясь на протяжении исторического развития, приобретало антропологическое направление. От времен Аристотеля, который впервые отметил социально-политическое содержание и суть человека, обзор проблем человека в политике получил противоречивые определения: от акцентирования

на индивидуализме – до полного пренебрежения индивида на пользу нации, общества и государства [4, с. 177].

Для политических и социальных наук существует обобщенное определение «человека политического» как основного участника социально-политического действия, где политические качества, желание самоутверждения, стремление к политической суверенности, правовому обеспечению и реализации политических интересов являются неотъемлемой и естественной характеристикой человека. Политичность в этом случае является стилем жизни человека, а политика – основной сферой ее деятельности (в идеальном случае – перманентного участия в политическом пространстве).

Отметим, что определение политического человека трансформировалось в соответствии с процессом создания государства, эволюцией научного знания и контекстом общественно-политических процессов. Итак, способ интерпретации сущности политической человека длительный и противоречивый во многих смыслах. Прежде всего он детерминирован изменениями в историческом развитии, социальном и институционально-правовом, экономическом, культурном и религиозном контекстах. Важность учета указанных измерений является определяющей для объективной формулировки понятия «человек политический», смысловое наполнение которого менялось в процессе развития науки. Каждый исторический период общественно-политического развития характеризуется доминированием одних явлений над другими, где «дух времени» отождествлялся в основном с событиями, решительно влияли на политическое, социальное и культурное положение и деятельность человека. Учет ценностей, значений, образцов мышления, норм и идеалов, стереотипов и устремлений, присущих обществам определенного исторического отрезка, поможет постичь целостное видение проблемы человека в сфере политики.

Рассматривая неизменен на протяжении всей истории человечества взаимосвязь всех сфер (политической, социальной, духовной, культурной) общественной жизни, необходимо анализировать изменения в одной из них сквозь призму изменений в других. Мы не доказываем и не опровергаем утверждения, что не существует доминирующей сферы в отношении других. В рамках общественной жизни взаимодействуют составляющие всех сфер: особенности экономических отношений влияют на состав социальной структуры общества; социальная иерархия детерминируется политическими взглядами, воспитанием и духовными ценностями [6, с. 150]. Правовая система общества формируется на основе духовной культуры, первичными элементами которого предстают религия, мораль, добродетели и обычаи. Поэтому в различные исторические периоды общественного развития влияние определенной отдельной сферы может и увеличиваться, и уменьшаться. Поэтому наш исследовательский интерес заключается в

изучении проблемы человека в сфере политики, при чем без абстрагирования от изменений и влияния других. Это будет способствовать более объективному пониманию понятия «человек политическая».

В контексте анализа проблемы человека в политике прежде всего прослеживается сложность взаимоотношений человека и политики, ставших причиной появления плюральности исследовательских подходов. Ведь анализ политики с учетом ее человеческого измерения является, с одной стороны, самым интересным элементом в исследовании этого феномена, а с другой – сложнее, поскольку человеческий фактор принадлежит к непредсказуемым, следовательно меньше всего поддается анализу [8, с. 165]. Человек как индивид и как личность – чрезвычайно сложный биосоциальный феномен, действующий во многих сферах объективной действительности, в частности политической. Следовательно, вопрос о сущности человеческого бытия в политике, цели и системе ценностей нуждался в убедительных ответах. Перманентный поиск последних породил немало теорий, концептуальных подходов и концепций, которые раскрывают проблему сущности политического человека, хотя начатые от истории философско-политической мысли и актуализируются в рамках современной политической науки.

Современная политическая наука сформировалась во второй половине XX в, но это не отрицает ее отсутствие к тому времени. Известно, что политические взгляды зарождаются с тех пор, как общество организовалось в государственную жизнь, исторически первой формой которого считается полисное состояние.

Выделение принципов концептуализации понятия «человек политический» направляют наше внимание к теоретическим традициям древних форм познания политики, которые справедливо можем определить как основа политической науки. В исторически культурном срезе – это эпоха Античности и Средневековья, характеризующиеся появлением первых философских концепций, посвященных политике. Поэтому в научной литературе существует несколько подходов к условной периодизации развития политических знаний. Поэтому исследователи по-разному подходят к определению и продолжительности периодов: донаучный (охватывает мифологический и философский этапы; продолжался до середины XIX века); предисторический (от античности до Нового времени); философский (с позиции Р. Даля продолжался до Нового времени); предмодернистский и др. В нашем исследовании последний период условно назовем доклассическим, продолжавшийся до XV ст., с целью структуризации и одновременного учета достижений исторических и социокультурных периодов общественного развития.

Становление политической науки как специфического типа познания и социального института происходило на территории Европы в эпоху Нового времени на протяжении XV – XIX вв., что в историко-культурном срезе объединяет социально-

политические изменения эпохи Возрождения и Просвещения. Этот период – классический – ученые считают научной революцией, которая способствовала структурированию науки, формированию новых принципов познания и категорий, разработке современных методов и инструментов для анализа политических явлений. В центре внимания появилась государственная власть, поэтому политическая наука сконцентрировалась вокруг решения практических вопросов осуществления политики [10, с. 90].

Процесс становления и выделения политической науки из системы гуманитарных состоялся в конце XIX – середины XX века. Переориентация научных изысканий европейских и американских политических школ ознаменовала собой неклассический этап в развитии политической науки. Как показывает анализ социально-философских взглядов ученых относительно упоминаемого периода, он охватывает современный (индустриальный) устроительство общества.

От середины XX в. и в начале XXI в., прослеживается окончательное становление политологии в виде самостоятельной отрасли знания и учебной дисциплины. Именуется этот этап постнеклассическим, что в культурном срезе известен как постмодерный. Политология на этом этапе развития сконцентрировалась на изучении политических систем, политической культуры, конфликта и консенсуса в политике.

Итак, за основу мы берем распространенную среди ученых периодизацию становления политической науки – доклассический, классический, неклассический и постнеклассический этапы, характеризующиеся определенной совокупностью теоретико-методологических установок. Рассмотрим их в связи с особенностями культурно-исторических эпох развития общества. На основе обозначенной периодизации политической науки выделим принципы концептуализации понятия «человек политический» с учетом социальных, политических и экономических особенностей историко-культурных эпох – античности, средневековья, Возрождения, Нового времени, Просвещения, модерна и постмодерна.

Главным признаком доклассической науки, в частности эпохи Античности, является то, что знания накапливались через созерцание объективной действительности, которая воплощена в политическом сообществе. Феномен «политического человека» возник вследствие идентификации индивидуумом себя в виде неотъемлемой части политического бытия, – это отмечал еще Аристотель. Политическое сосуществование возникало для индивида необходимостью и смыслом жизни, благом, которому необходимо служить, жертвуя собственными интересами. Политический образ жизни объединил и биологическую природу человека, и его социальную, духовную и моральную составляющие [11, с. 419].

Философско-теологическая история эпохи Средневековья не только не продолжала рассмотрение аутентичной политической мысли античного

периода, но и абсолютно отсеклась от всего политического, как естественного и действительного. Теологи развивали идею человека, но сквозь призму христианского идеологического порядка (традиционализма), вследствие чего на многие века трансформировалось понимание политического человека, да и в целом сущность человеческого.

Поворотным моментом в истории познания и переходом от стихийно-объективного получения знаний к их осознанному продуцированию считается сутки Возрождения. В этот период речь идет и об открытии новых способов получения знаний, и о формировании новейшего знания о человеке и ее возможности осознавать бытие. Знаменитая фраза Р. Декарта «*Cogito ergo sum*» («Мыслю, следовательно существую») не только фиксирует взаимозависимость ума и познания, но и, несомненно, утверждает человека как существо идейное, сознательное, мыслящее. Обращение к антропоцентризму в Декарте происходило из-за рассуждения о человеке, который в материальном смысле предстает сложной природной машиной и действует согласно объективным причинам [9].

Новое время в истории философско-политической мысли отличалось исповедованием "культы разума". Человек трактовался в виде главного участника политического пространства и предстал как первопричина создания государства, права, свободы, утвердив таким образом антропоцентрическое видение социально-политического бытия. Поэтому период Нового времени установился как особая традиция мировосприятия, где удачно сочетаются индивидуализм, рационализм и гуманизм сквозь призму отношения объекта к объекту. К основным идеям новоевропейской картины мира входит идея человека: личность или субъект, который развивается на основе собственных дарований и инициативы, определяется универсальным естественным законом и может быть изучен в опыте и рационально объясненным.

Поздний модерн ознаменовался началом новой политической реальности, что связано прежде всего с расширением человеческих прав и свобод [7, с. 357]. Последние реализовались с появлением массовых политических партий и расширением избирательного права и значительно повлияли на рост политической активности людей. Политическая социализация человека осуществлялась благодаря использованию новых средств массовой информации, которые были инструментом посягательства на общественное сознание масс и трансформацию традиционной системы господства и подчинения в обществе. Вследствие этого начался этап массовизации политики, абсолютно нового изменения предыдущего политического бытия человека, его самоидентификации в обществе. Параллельно массовизация культуры, предстает в виде симптоматической черты духовной «болезни» западного буржуазного общества эпохи модерна. Достигнув апогея в XX в. такой этап традиционно осознается как эпоха «кризиса культуры», характеризуясь отчуждением, потерей веры и

упадком моральных, эстетических ценностей. Главной целью культурных и социально-политических теоретиков было одно: «прекратить или замедлить эсхатологически угрожающий лавинообразный процесс вульгаризации и примитивизации культуры, который несло с собой технократическое общество “масс”» [5, с. 267].

Неклассическому этапу развития политической науки присущи ключевые изменения в концептуализации отношений человека и политики. В методологическом срезе неклассический период развития политической науки отличался переходом к релятивистскому способу объяснения явлений (как противопоставление классическим абсолютам). Он предоставлял определенным явлениям и представлениям слишком относительного, изменчивого и условного характера, которые детерминируются интересами, убеждениями и склонностями людей, ограничиваются в своем значении условиями места и времени. Познавательный процесс сконцентрировался вокруг субъекта с его социокультурными особенностями. Вследствие этого, европейские политологи в начале XX в., которые одновременно были и социологами, сформировали социологический подход к истолкованию политических явлений, которые считались производными от других сфер общественной жизни – экономики (экономический детерминизм), культуры, социальной структуры общества, этики и психологии.

Однако в 20-30-х годах XX в. наблюдается период глобального кризиса тогдашнего общества, сказавшегося глубоким переломом в развитии политологии. Методы преодоления этого кризиса обозначили два пути развития науки:

1) европейский – исторически бесперспективен, со строгой регламентацией общественной жизни и формированием тоталитарных режимов, в результате чего политология и другие общественные науки стали инструментом идеологии и пропаганды;

2) американский (США) – обновление традиционного капиталистического общества, либеральной демократии; политология же сосредотачивалась на исследовании проблем политического участия и поведения человека, групп давления и технологии политического процесса.

В социально-политическом срезе этот период ознаменовался новым соотношением и взаимодействием государства и гражданского общества. Постичь сущность понятия «человек политический» невозможно, не приняв во внимание противоположность демократии XX века. – тоталитарные режимы, перекроили историю стран Западной, Центральной и Восточной Европы. Речь идет о «шаге назад» в общественно-политическом развитии человечества и восстановлении доклассического мировоззрения, которое отличалось объединением всех сфер социокультурной жизни на началах обобщаемых принципов, унифицированных стандартов общечеловеческого характера и традиционализма [3, с. 407]. На социальном уровне такие изменения отразились в особенно-

стях взаимоотношений человека и политики. Демократические ценности – приоритет гражданского общества, плюрализм, соблюдение прав и свобод индивида – нивелировались через формирование монистической структуры власти закрытого типа и централизованного контроля над всеми жизненными проявлениями человека.

Детерминированность социальной сферы политической, которое воплотилось в целенаправленном контроле и регламентировании политикой всей жизнедеятельности общества и его огосударствления, дальше продолжалась после политизации и абсолютного контроля над поведением человека, что проявляется в активной преданности и поддержке действующего режима.

На этом этапе в конце 30-х годов XX в. были предприняты попытки научного осознания тоталитаризма вследствие анализа положения человека как важнейшего элемента общества. Ученые пришли к выводу, что в тоталитарном обществе отсутствует человек как таковой, зато существует механически созданная изолированная и атомизированная модель "нового человека", личная свобода которой нивелирована технологией тоталитарной власти.

Постнеклассический этап, где прослеживается окончательное становление политической науки как отрасли знания и научной дисциплины, характеризуется технократизацией, информатизацией, глобализацией общественно-политической действительности [1, с. 120]. Эти явления стимулировали и детерминировали научные исследования политического процесса, форм бытия субъектов политики, политического участия и политического поведения человека. Постнеклассическая политическая наука отражает постмодернистское состояние «сомнения» и поиск смысла человеческой деятельности в сфере политики, объясняет причины индивидуализации, неопределенности и раздробленности мировосприятия лица. Следовательно, становление политической науки в виде отдельной дисциплины показало плюрализм теоретико-методологических концепций, исключающих наличие единой традиции изучения политической природы человека в современной политической науке.

Важным основанием в специфике исследования взаимоотношений человека и политики встает проблема разграничения и абсолютного «суверенитета» политической науки от других отраслей научного знания. Следовательно свойство политической науки неоднозначно толковать политические явления и феномены создает возможность (а в нашем случае – необходимость) применить в исследовании другие теоретико-методологические конструкции.

Литература

1. Абрамян А.С. Актуальные проблемы истории, политологии и права протекционизм как метод влияния в политическом противостоянии ведущих стран мира // В сборнике: Наука на благо человечества - 2018 Сборник научных статей пре-

подавателей и аспирантов по итогам Международной научной конференции молодых учёных, аспирантов и студентов. Отв. ред. и сост. Е.А. Певцова. 2018. С. 119-122.

2. Грачёв Б.В. Политическая система интеграционного объединения // *Мировая политика*. 2016. № 3. С. 53-60.

3. Заниздра В.Н. Политология журналистики: предмет, объект и методы // *Аллея науки*. 2019. Т. 2. № 3 (30). С. 405-408.

4. Канашевич Н.М. Об истоках и границах использования маркетинговых методов в политологии // В сборнике: *Актуальные вопросы права, образования и психологии Сборник научных трудов*. Могилев, 2017. С. 176-184.

5. Кошокова С.Я. Использование игрового метода обучения в преподавании учебной дисциплины «политология» // В сборнике: *Качество высшего образования в аграрном вузе: проблемы и перспективы Сборник статей по материалам учебно-методической конференции*. Отв. за вып. Д.С. Лилыкова. Краснодар, 2019. С. 265-266.

6. Мамаева Ю.А. Интерактивные методы обучения в вузе на примере проведения учебно-деловых игр по дисциплине "политология" // В сборнике: *Актуальные проблемы развития современного российского образования Сборник научных статей по итогам круглого стола Департамента политологии Финуниверситета*. Под редакцией С.В. Расторгуева, М.Б. Понявиной. 2017. С. 148-156.

7. Махова О.О. Применение математических методов в политологии // *Современная математика и концепции инновационного математического образования*. 2016. Т. 3. № 1. С. 356-361.

8. Попов В.В. Некоторые особенности использования интерактивных методов преподавания политологии в вузе // В сборнике: *Кубанские исторические чтения Материалы VIII Международной научно-практической конференции*. 2017. С. 164-167.

9. Садохин А.П., Сазонова Н.Н. *Политология* // Москва, 2017.

10. Сазантович А.Б. Политические коммуникации и публичная политика: концепции, методы, сравнение опыта (об итогах XVII Всероссийского семинара исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии) // *Человек. Сообщество. Управление*. 2017. Т. 18. № 1. С. 89-97.

11. Троненкова О.М. Метод проблемного обучения в преподавании политологии // В сборнике: *Гуманитарное образование в развитии российского социума и человека тематической сборник материалов международной научно-практической конференции*. Шадринский государственный педагогический университет; Российский университет транспорта; Гуманитарный институт; Главный редактор А.А. Горбунов, научный редактор А.П. Ветшкин. 2018. С. 418-420.

Typology of concepts of the political institution in the history of the development of political science

Egorov V.G.

RUE G.V. Plekhanov

Scientific understanding of the main phenomena of political space remains invariably relevant throughout the formation of political science. Despite the fact that the phenomenon of a political person is a legacy of the philosophical and political tradition of the Ancient era, discussions about its essence are the subject of research in modern political science. One of the reasons that led to the return and growth of scientific interest in the concept of "political man" is the process of "purification" (the so-called death of a person) in anthropological and social sciences throughout the twentieth century. This is partly due to: the idea of rationality, analytical thinking, institutional and systems approaches to the study of the political life of society; a person's loss of his own subjectivity as a political creator and source of a democratic system; the scale of the revival of political science as a result of the post-behavioral revolution, which diversified the problem field of national schools, which focused on the study of the motives and factors of human political behavior and the ideologization of consciousness.

Key words: researchers, human behavior, political leader, essence of research, ideas.

References

1. Abramyan A.S. Actual problems of history, political science and law, protectionism as a method of influence in the political confrontation of the leading countries of the world // In the collection: *Science for the good of humanity - 2018 Collection of scientific articles of teachers and graduate students following the International Scientific Conference of Young Scientists, Postgraduates and Students*. Resp. ed. and comp. E.A. Pevtsova. 2018.S. 119-122.
2. Grachev B.V. The political system of the integration association // *World politics*. 2016. No. 3. S. 53-60.
3. Zanzidra V.N. Political Science of Journalism: Subject, Object and Methods // *Alley of Science*. 2019.Vol. 2.No. 3 (30). S. 405-408.
4. Kanashевич N.M. On the origins and boundaries of the use of marketing methods in political science // In the collection: *Actual issues of law, education and psychology Collection of scientific papers*. Mogilev, 2017.S. 176-184.
5. Koshokova S.Ya. Using the game method of teaching in teaching the discipline "political science" // In the collection: *The quality of higher education in an agricultural university: problems and prospects Collection of articles based on the materials of the educational and methodological conference*. Resp. for issue. D.S. Lilyakova. Krasnodar, 2019.S. 265-266.
6. Mamaeva Yu.A. Interactive methods of teaching at a university on the example of conducting educational and business games in the discipline "political science" // In the collection: *Actual problems of the development of modern Russian education Collection of scientific articles following a round table of the Department of Political Science of the Financial University*. Edited by S.V. Rastorgueva, M.B. Ponyavina. 2017.S. 148-156.
7. Makhova O.O. Application of mathematical methods in political science // *Modern mathematics and the concept of innovative mathematical education*. 2016.Vol. 3.No. 1.P. 356-361.
8. Popov V.V. Some features of the use of interactive methods of teaching political science in the university // In the collection: *Kuban historical readings Materials of the VIII International scientific-practical conference*. 2017.S. 164-167.
9. Sadokhin A.P., Sazonova N.N. *Political science* // Moscow, 2017.
10. Sazantovich A.B. Political communications and public policy: concepts, methods, comparison of experience (on the results of the XVII All-Russian seminar of the RAPN research committee on comparative political science) // *Man. Community. Control*. 2017.Vol. 18.No. 1.P. 89-97.
11. Tronenkova OM The method of problem learning in teaching political science // In the collection: *Humanitarian education in the development of Russian society and man, a thematic collection of materials from an international scientific and practical conference*. Shadrinsk State Pedagogical University; Russian University of Transport; Humanitarian Institute; Chief editor A.A. Gorbunov, scientific editor A.P. Vetoshkin. 2018.S. 418-420.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Гончаров Петр Константинович,
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры методологии права и юридической коммуникации Юридического института Российского университета транспорта – МИИТ, rkgoncharov@mail.ru

Политическая толерантность как сформированный общественно-политический институт составляет определенную ценностно-нормативную систему, которая формирует особый тип социально-политических связей и отношений. Они предполагают терпимость, свободу выбора, безопасность, свободу политического участия, возможность институционализированной политической конкуренции и право иметь и выражать приверженность к той или иной политической силе. Однако, политическая терпимость хоть и признана как ценность и фундаментальное направление государственной политики в сфере демократизации, однако не всегда эффективно реализуется в современном многомерном политическом процессе. Следует отметить проблему нехватки практических механизмов института политической толерантности как источника обеспечения политических потребностей. Итак, для всестороннего развития данный институт нуждается в концептуальных разработках широкой системы средств, методов и подходов, а также комплексного развития его структурно-организационных основ.

Ключевые слова: толерантность, государственная ценность, комплексное развитие, политическая терпимость, категории.

Условное понимание категории политической толерантности берет свое начало еще в эпоху религиозных войн. В Средневековье царила теологическая идеология во всех сферах общественной жизни, в том числе политической. Итак, основополагающую власть имела церковь. Поэтому, религиозный выбор был не только вопросом веры и основой социального сознания, но и имел общегосударственное, политическое значение. Современное понимание политической толерантности предполагает конкретную обособленность политической и религиозной сферы. Однако, не редкостью являются модифицированные религиозно-политические типы интолерантности. И большинство исследователей подчеркивают большой уровень опасности подобных форм, что представляет особый интерес для научных исследований и работ.

В мире современных социально-политических преобразований распространяется феномен нетерпимости по политическим признакам. Актуальность проблемы предопределяет политическое разнообразие и нарастание кризиса сочетания различных политических течений и движений в одной социально-политической системе, а в аспекте международных отношений – в едином геополитическом пространстве [1, с. 124]. Особую актуальность проблематика толерантности приобретает с процессами демократизации, которые актуализируют вопрос свободы политического выбора, терпимости в отношениях социальных групп, внутривнутриполитических и международных интеграционных процессов.

Сегодня такое деструктивное явление как политическая нетерпимость, выходит за рамки только теоретического концепта, и составляет отдельную практическую звено проблематики проявлений интолерантности в современных политических процессах. Много внимания на мировой арене уделяется вопросам экстремизма, дискриминации, фанатизма и разных смешанных форм нетерпимости, в том числе сформированных на основе политических разногласий. Подобные деструкции приводят не только к дестабилизации социально-политического процесса, но и несут множество негативных последствий экономического, культурного, социального характера. Так, социально-политическая стабильность представляет значимый аспект не только для политического, а для большинства жизненно важных сфер.

Таким образом, исследование именно политического фактора интолерантности приобретает все большую актуальность в современных научных исследованиях. Опасность феномена нетерпимости, сложившейся на политической основе, заклю-

чается в ее склонности к преобразованиям в различного рода модифицированные формы интолерантности. И, одновременно, представляет потенциально опасный фактор риска еще на начальных стадиях конфликта. Так, политический критерий часто становится провоцирующей условием формирования крайних состояний нетерпимости субъектов [2, с. 48].

Вследствие нивелирования демократических норм ведения политической борьбы, наблюдаются затяжные кризисы политического процесса и общественно-политических отношений. Явление политической нетерпимости, прокладывает путь от пассивной антипатии к дискриминации, в сочетании с крайними насильственными методами и действиями, направленными на устранение оппонентов. Это вызывает состояние политической аномии и провоцирует образование крайних идеологий, радикальных движений, маргинальных сообществ, деятельность которых реализуется от начальных интолерантных форм проявления до масштабных вооруженных конфликтов, экстремистских акций, террористических актов. В качестве субъектов политической интолерантности могут быть как различные организации и формирования, политические силы и их представители так, собственно, государство, государственные органы и учреждения, ее структурный механизм. Кризис диалога между вышеупомянутыми субъектами представляет глубокую проблему государственности, политического процесса и государственной безопасности. И следует отметить, что данное явление не является локальной проблемой, поскольку, ее последствия затрагивают международную безопасность и геополитические политические процессы в целом.

Исследователи разграничивают реализацию принципа толерантности социальных и политических субъектов: «На уровне гражданского общества толерантность проявляет себя в форме лояльности, которая означает терпимость индивида к позиции возможного оппонента в пределах определенного сообщества или организации, на политическом уровне – в форме политической корректности как требования соблюдать коммуникативной приличия, терпимого (толерантного) отношения к инакомыслию». Следует заметить, что термин «коммуникативная приличия», который употребляет автор, отражает некоторую этическую составляющую норм института политической толерантности [3, с. 145]. Однако, на практике, внедрение этических норм в контексте политико-властных отношений представляется в большей степени идеальными, а не практическими мерами внедрения толерантных основ в данной сфере.

Зато акцентируют внимание на институционализированной форме сосуществования субъектов власти и оппозиции в одном политическом пространстве, как на общем, так и на индивидуальном уровнях, именно в рамках правового регулирования толерантных отношений: «... у власти их толерантное отношение может проявляться в политике допуска деятельности оппозиции в рамках консти-

туции. На уровне отдельной личности политическая толерантность заключается в проявлении готовности прислушиваться к позиции политических противников и в стремлении их убедить». Для методологического определения коммуникативных механизмов политической толерантности следует отметить такой активный элемент, как «стремление убедить» политических оппонентов. Что выступает предметной стороной институционализации форм политической коммуникации и диалога участников политического процесса. Данный аспект можно отнести к подходу определения толерантности как активной позиции, поскольку она предусматривает не только форму принятия существующих оппозиционных направлений и субъектов, но и активную деятельную позицию, направленную на взаимодействие, диалог, аргументацию и критический анализ собственных доводов в рамках взаимного обмена идеями участников политического процесса [4, с. 67].

Институт толерантности в сфере политики дает возможность быть представленными в политической структуре всем интересам общества посредством создания и деятельности различных политических формирований, партий и движений. Это представляет собой такую актуальную категорию политической толерантности, как институциональный политический плюрализм. Он предполагает многообразие взглядов, концепций, принципов и противоположных политических программ, воплощенных в многообразии форм представительства политических сил и социальных групп, поддерживающих их.

Плюрализм как институциональная основа толерантности предполагает многовариативность и альтернативность политических векторов. Однако, существует необходимость согласованного выбора политического курса государства через расширение участия в процессе принятия решений различных властных, политических или гражданских субъектов. Категория плюрализма и толерантности имеют функциональное соотношение [5, с. 137]. Где плюрализм представляет явление, а толерантность – механизм балансировки плюралистических отношений. Поэтому, исследования политической толерантности идут в совокупности с феноменом плюрализма. Да, исследователь М. Мчедлов обосновывает практическую значимость плюрализма в политической власти, акцентируя внимание не на вопросах экономического, культурного или социального устройства, поскольку считает, что данная сфера политического регулирования естественно предполагает плюрализм, особенно сложной сферой отношений для ученого представляются внутренние отношения политических деятелей, и их борьба за монополию мнений, концепций и политических взглядов. Как отмечает исследователь в своей работе «Толерантность»: «Исторически политическая и идеологическая тактика власть предержащих при наличии разброса мнений, взаимоисключающих концепций, их соперничества сводилась преимущественно к насильственному принуждению, которое было не

только сугубо политическим, даже физическим, но и сочеталось с экономическим, идеологическим, психологическим угнетением» [6, с. 64].

В силу либерально-демократических процессов и демократического транзита большинству цивилизованных стран, вопросы толерантности рассматриваются не только в контексте политического представления интересов, презентации политических позиций ради соблюдения демократических условий альтернативности, но и в аспекте политических механизмов обеспечения свободного политического выбора, что имеет глобальное значение для процессов демократизации государственно-политической системы. Свободу политического выбора составляет и законодательное, и политическое право. Однако, именно от общественного понимания плюрализма зависит как будет восприниматься политический выбор как неизбежное право человека. Будет политическое меньшинство восприниматься как полноценный элемент общества, либо будут иметь место политические дискриминации, которые в свою очередь будут сдерживать развитие политической культуры, как основополагающей основы правового государства.

Категории политической толерантности, плюрализма и свободы политического выбора составляют фундаментальные основы обеспечения сбалансированного демократического политического процесса. Полномочия представления общественных интересов, предоставленные определенной политической силе, должны опираться на динамические инновационные модели общественно-политического взаимодействия. В противном случае, без общего осознания субъектами политического процесса модели сосуществования, основанной на равенстве прав политических позиций, индивидуальный осознанный политический выбор не будет возможности реализоваться [7, с. 1153]. Так же, это угрожает социально-политической стабильности и прогрессивному развитию социальных, политических и государственных институтов.

Вместе с тем, многообразие в пространстве политических взаимодействий создает благоприятные условия для столкновений, начиная от идеологической борьбы до фактического противостояния и уничтожения одной системой другой. Однако, институционализированная мера борьбы и критерий соперничества, является естественной составляющей демократического политического процесса. При этом, на уровне научной, политической, законодательной и гражданского сообществ осознается необходимость поиска механизмов стабилизации и баланса социально-политической системы в условиях политического плюрализма. И данная проблема возглавляет не только вопросы внутригосударственных отношений, но и геополитических связей. Итак, внедрение института толерантности является решением демократического сочетания в одном политическом поле индивидуальных политических потребностей, взглядов, политических убеждений, преимуществ и общественных политических интересов.

Политологический подход рассматривает толерантность как «принятие, признание и уважение конкурентов, их взглядов, программ, мероприятий при взаимном стремлении субъектов социального взаимодействия (наций, государств, классов, политических партий, организаций) реализовать свои интересы и цели, связанные с проблемами сохранения или ослабления (свержение) существующей власти, ее укрепления или подрыва, а также с изменением их политического статуса в обществе, если это не противоречит идее безопасности и демократии» [8, с. 60]. Невозможно не заметить в научном анализе понятия толерантности, стремление ученых выделить границы того, до чего возможно проявление толерантности. Поскольку, во-первых, существует проблема толерантности к нетолерантности, о которой не раз говорится в научных дискуссиях. Терпимость к социально опасным явлениям, к злу, агрессии, ненависти будет само собой опровергать особую суть толерантности и ее значение в социально-политическом организме. Большинство исследователей выделяют четкую черту терпимости. Не может считаться толерантностью терпимость и признание террористических программ смены власти, агрессивного ведения политики, пропаганды античеловеческих взглядов, того, что само по себе направлено против закона и прав человека. Во-вторых, непомерная толерантность имеет опасность превращения в форму бездействия, аморфную позицию со стороны социальных участников политических взаимодействий и политику приспособления, или чрезмерного нейтралитета со стороны политических субъектов, государства и органов государственной власти.

Существование пределов толерантности к нетолерантным проявлениям отмечается и в Декларации принципов терпимости, в пункте четвертом сказывается, что: «проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими». «Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» [9, с. 45].

Таким образом, одним из дихотомических вопросов исследования проблематики политической толерантности проявляется в определении толерантности как действия и бездействия. Ряд ученых признают пассивность и конформизм, центральными характеристиками феномена толерантности. Однако, большинство придерживаются определения толерантности как политически активного действия, которая направлена на открытость социально-политических взаимодействий с принципиальным сохранением идейных позиций сторон. Так, например, современный исследователь В. В. Шалин выделяет данную проблему. Ученый характеризует толерантность не только как «неохотно согласие с возможностью существования иных точек зрения, но как «сознательную установку на

необходимость многих точек зрения и на недостаточность любой отдельной точки зрения». Однако терпимость не следует интерпретировать как вседозволенность: есть вещи, к которым нельзя быть терпимым». Толерантность как активное действие формирует равные возможности существования противоположных направлений в одном политическом пространстве с сохранением собственной позиции и критерия соперничества. В ряде работ ставится вопрос несовместимости принципа толерантности и политической конкуренции. Однако, следует отметить уместность соответствующего вопроса к подобному тезису, а именно: возможный критерий соперничества, в условиях невозможности представления альтернативных политических программ и курсов [10, с. 70]. Это оставляет возможности все политические силы быть понятными и в перспективе избранными определенной электоральной частью для реализации всех возможных интересов в политической власти. Из-за отсутствия данной возможности можно говорить о монополии политического процесса, что кардинально оставляет политическую сферу конкурентных возможностей и противоречит основам демократического процесса.

Ряд ученых определяют понятие политической толерантности как нейтральную позицию государственной власти к плюралистическим проявлениям общества. То есть, рассматривается государственная власть как главный субъект политической толерантности. Несколько по-другому считает В. Ханстантинов, который утверждает, что субъектом политической толерантности выступают общественные объединения и движения, известные лидеры и журналисты, граждане, которые, например, проявляют активное электоральное поведение.

Итак, с одной стороны, не отрицается принципиальная роль государственной власти в регулировании политических процессов, вместе с тем, рассматривается много субъектность проявления политической толерантности. Властное участие, по мнению исследователя, имеет функциональную значимость как регулятора института политической толерантности в рамках ее практического воплощения. Однако, допускается возможность насильственных методов власти в процессе внедрения определенных решений. И исследователь утверждает, что такие проявления представляются неотъемлемой частью функционирования власти. Несмотря на развитие демократических основ в современных обществах, происходит распространение методов государственного воздействия. Ведь, и в процессе построения, и в процессе роста политическая толерантная модели общественно-политических отношений передовую роль играет деятельность государственной и политической власти как главных субъектов политического процесса.

Институт политической толерантности хоть и включает в себя принципы гармонизации политических позиций участников, однако не предполагает абсолютное согласие и примирение социальных

актеров с любыми решениями государственной власти. Для предупреждения злоупотребления властью, существуют другие субъекты политической толерантности. Одним из таких субъектов выступает гражданское общество. Категория политической толерантности не только воплощается в социально-политическую парадигму принятия разнообразия, но и устанавливает нормативную модель сосуществования в условиях жесткой конкуренции политических интересов. Итак, регулятивная функция института гражданского общества не только объединяет людей, распространяя толерантную модель в массовом сознании, но и становится барьером установлению главенствующей роли какого-либо субъекту политических отношений.

Литература

1. Гаджиев Х.А. Роль политических институтов в обеспечении политической стабильности // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 123-135.
2. Грызлова В.П. Правовое регулирование политических институтов гражданского общества // В сборнике: гуманитарные основания социального прогресса: РОССИЯ и современность Сборник статей. Редколлегия: В.С. Белгородский, О.В. Казеев, В.В. Зотов, И.В. Антоненко. 2016. С. 47-51.
3. Гуринович Д.Ф. Концепт понятия "Трансрегиональный политический институт" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 145-153. (публикация отозвана 28.02.2019)
4. Гуринович Д.Ф. Концептуальное видение понятия "Трансрегиональный и политический институт" // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 7. С. 66-73.
5. Козлова Н.Н. Государство как политический институт в философии российского консерватизма первой трети XIX в // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 136-144.
6. Манцуров С.О. Анализ развития института политической оппозиции в странах демократического транзита центральной и восточной Европы // Наука, образование и культура. 2016. № 9 (12). С. 63-65.
7. Нунуев С.Х.М. Радикализация политического ислама в Дагестане: субъекты, институты, новые проявления // Политика и общество. 2016. № 8 (140). С. 1152-1162.
8. Савельев А.И. Вопросы коммуникативного взаимодействия политических институтов в социально-политическом пространстве // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 24. С. 59-66.
9. Слободянюк Г.Е. Общественно-политическая деятельность ОСТК и ПРОЦЕСС создания институтов государственности Приднестровья // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 3. С. 43-50.
10. Фельдман П.Я. Коммуникационный и политический потенциал российских институтов элек-

тронной демократии // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 2. С. 69-79.

**Categorical apparatus for the analysis of political tolerance
Goncharov P.K.**

Russian University of Transport

Political tolerance as a formed socio-political institution constitutes a certain value-normative system that forms a special type of socio-political ties and relations. They imply tolerance, freedom of choice, security, freedom of political participation, the possibility of institutionalized political competition, and the right to have and express commitment to a particular political force. However, political tolerance, although recognized as a value and fundamental direction of state policy in the field of democratization, is not always effectively implemented in the modern multidimensional political process. It should be noted the problem of the lack of practical mechanisms of the institution of political tolerance as a source of meeting political needs. So, for all-round development, this institution needs conceptual development of a wide system of means, methods and approaches, as well as the comprehensive development of its structural and organizational foundations.

Key words: tolerance, state value, complex development, political tolerance, categories.

References

1. Gadzhiev Kh.A. The role of political institutions in ensuring political stability // Theories and problems of political research. 2016. No. 3. S. 123-135.
2. Gryzlova V.P. Legal regulation of political institutions of civil society // In the collection: humanitarian foundations of social progress: RUSSIA and the present. Collection of articles. Editorial Board: V.S. Belgorodsky, O.V. Kascheev, V.V. Zotov, I.V. Antonenko. 2016.S. 47-51.
3. Gurinovich D.F. Concept of the concept "Transregional political institute" // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2016. No. 3. S. 145-153. (the publication was withdrawn on 28.02.2019)
4. Gurinovich D.F. Conceptual vision of the concept "Trans-regional and political institute" // Bulletin of the Trans-Baikal State University. 2016.Vol. 22.No. 7.P. 66-73.
5. Kozlova N.N. State as a political institution in the philosophy of Russian conservatism in the first third of the 19th century // Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. 2016. No. 2. S. 136-144.
6. Mantsurov S.O. Analysis of the development of the institution of political opposition in the countries of democratic transition in Central and Eastern Europe // Science, Education and Culture. 2016. No. 9 (12). S. 63-65.
7. Nunuev S.Kh.M. Radicalization of political Islam in Dagestan: subjects, institutions, new manifestations // Politics and Society. 2016. No. 8 (140). S. 1152-1162.
8. Saveliev A.I. Questions of communicative interaction of political institutions in the socio-political space // Culture. Spirituality. Society. 2016. No. 24. S. 59-66.
9. Slobodyanyuk G.E. Social and political activities of the OSTK and the PROCESS of creating institutions of statehood in Transnistria // Bulletin of the Vyatka State University. 2016. No. 3. S. 43-50.
10. Feldman P.Ya. Communication and political potential of Russian institutions of electronic democracy // Communicology. 2016.Vol. 4.No. 2.P. 69-79.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ТИПОЛОГИИ И ПРИЗНАКОВ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

Соболев Владислав Викторович,
к.полит.наук, Дальневосточный федеральный университет

Проблемы политической коммуникации находятся в центре внимания политической лингвистики как отдельной отрасли языковедческой науки. Использование параллельных терминов "Политическая лингвистика" и "лингвополитология" нецелесообразно, поскольку междисциплинарный характер этой лингвистической отрасли обуславливает сочетание различных методологических принципов, при этом целью политического дискурса является борьба за власть, предусматривающая нетождественность, несимметричность коммуникативных позиций говорящего и реципиента. Политическая лингвистика (лингвополитология) направлена на изучение политической коммуникации и основании языковых фактов, а расширение ее предметного поля происходит за счет исследования не только вербальных, но и невербальных компонентов политической коммуникации, что имеет ярко выраженный семиотический характер. Методология политической лингвистики основывается на методах критического анализа, контент-анализа, риторической критики, когнитивного анализа и интент-анализа.

Ключевые слова: дискурс, формы, политические коммуникации, специфика, авторство, функционирование.

Дискуссионным вопросом в политической лингвистике остается и типология ПД. Н. В. Кондратенко предлагает выделять типы ПД в зависимости от различных факторов.

1. По форме – устные и письменные, к устным относятся монологические (речи политиков, обращение к народу, официальные заявления) и диалогические (интервью, пресс-конференция, дебаты), а в письменных – обнародованные через СМИ или лично адресованные. Ритуальный ПД функционирует как в устной (выступления политиков по случаю торжеств), так и в письменной (официальные поздравления с государственными праздниками) формах.

2. По фактору говорящего – адресантно прямые и опосредованные формы ПД: прямые произносятся или подаются от имени конкретного политика, а косвенные имеют скрытое авторство. Спецификой ритуальных жанров ПД в этом показателе является то, что, с одной стороны, все тексты произносятся от имени конкретного политика, однако, с другой стороны – эти политики не являются авторами произнесенных текстов, за них это делает пресс-служба [1, с. 87].

3. По фактору адресата – лично адресованы (прямую почтовую переписку) и массово адресованы (все телевизионные сообщения). Ритуальный дискурс преимущественно массово адресован, исключением являются письма от имени политиков, посвященные праздничным событиям и направленные на конкретные адреса потенциальных избирателей.

4. По цели выделены информативные, побудительные, имиджевые, мотивационные и экспрессивные. Тексты ритуального политического дискурса преимущественно относятся к имиджевым, однако могут содержать элементы мотивации и экспрессивности.

5. По сфере функционирования – телевизионный, газетно-журнальная, радио, рекламный или PR дискурсы. Основным средством распространения ритуального дискурса является телевизионный канал, вторичным считаем Интернет и газеты [14, с. 153].

Итак, ритуальный политический дискурс производится от имени конкретных политиков, однако факторы говорящего и автора не совпадают; реализован в письменной и устной формах; преимущественно массово адресованным; способствует созданию и поддержанию политического имиджа; опосредуется в основном через телевидение, Интернет и газетные сообщения.

Одним из ярких явлений пересечения этих двух типов дискурса являются политические новости и политические сообщения в СМИ [13, с. 316]. С педагогическим дискурсом ПД связан в аспекте политической социализации, которая понимается как процесс усвоения человеком как членом общества основных элементов политической культуры. Политическая социализация в свою очередь происходит в процессе политического воспитания и обучения, в том числе и в педагогических учреждениях, и через жанры педагогического дискурса – объяснение, лекция, опрос и тому подобное. Рекламный дискурс связан с ПД через создание мотивации к действию, то есть воздействие через информирование, что является общим для обоих типов дискурса. Особенно важным в этом контексте является политическая реклама, две основные функции – информирование и воздействие – реализуются в жанрах политической пропаганды и агитации. Религиозный дискурс пересекается с политическим в аспекте механизмов действия и влияния, особенно тесно связан с религиозным дискурсом ПД тоталитарного общества, а точкой сочетания религиозного и ПД является «мифологизация сознания, вера в магию слов, роль лидерства, использование приемов манипулятивного влияния, ритуализация коммуникации» [12, с. 75]. Бытовой дискурс, для которого характерна фактическая коммуникация, связан с политическим в тематическом аспекте, так как политика выступает одной из тем бытового общения, в процессе которого коммуниканты ориентируются в политической жизни.

Однако в значительной степени в пределах пересечения ПД с художественным имеющееся и социальный заказ, поэтому произведения подобного типа способны укреплять или разрушать социально-политические мифы, стереотипы, способствуют критическому осмыслению и интерпретации прошлого с проекцией, и настоящее. Целью ПД является победа в политической борьбе, своеобразный диалог-соревнование между политическими оппонентами, поэтому в ПД важное место принадлежит метафорам игры и спорта. Политические соревнования реализованы преимущественно через СМИ, а массовый адресат выступает зрителем этих политических соревнований. Последний тип дискурса, который пересекается с политическим, – военный. Они взаимодействуют как на уровне жанров (ультиматум, мирные переговоры, соглашение и т. д.), так и на уровне метафоры, поскольку субъекты политического пространства часто воспринимают взаимодействие не только как соревнования, но и как военные действия. Среди всех указанных типов тесная связь между политическим и масс-медийным дискурсами [11, с. 180].

Надобно определить сущностные признаки ПД, характеризующие его как отдельный дискурсивный разновидность. А. И. Шейгал определяет системообразующие признаки ПД, которые можно считать и параметрами его функционирования.

1. Общая институциональность. Любое социальное взаимодействие возможно при условии развития социальной сферы в целом, формировании как набора интенций и определенных речевых стратегий. В связи с этим появляется набор определенных моделей социального поведения и ряда социальных моделей [10, с. 20].

2. Информативность истолкована в противопоставлении античности, а ее критериями определено небанальность, релевантность и адекватность в подаче информации. Спецификой информативности ПД является то, что соотношение фактики и информативности зависит от конкретного жанра: преимущественно фактическими есть ритуальные жанры, а информативными – новостные сообщения, выступления, политические программы, биографические тексты и тому подобное.

3. Политический дискурс преимущественно определяется тем, что он обусловлен прагматическим и фактором семантики. Это определяется широту значения, отсутствие границ семантического порядка в словах семантики градуального типа и относительно обозначений, а также выдвиганием на первый план прескриптивной влияющей функций политического языка, манипулятивностью, установкой на имиджевость, потребностью избегать конфликтов.

4. Фантомность ПД обусловлена активным использованием политических значений, не имеющих означаемого, не связанных ни с одной реальностью, кроме собственной – мира самореферентных знаков. Такие единицы еще называют «словами-призраками» (Б. Ю. Норман), поскольку они существуют лишь на бумаге, в реальности за ними ничего не стоит. В основном фантомность является признаком тоталитарного ПД [9, с. 8].

5. Фидеистичность ПД основывается на магической функции языка и предполагает иррациональность ПК и опоры ее на подсознание. Фидеистичность позволяет конкретизировать абстрактные понятия, характерные для ПД, наделяя их магической силой, поэтому убеждение в ПК в первую очередь связано с воздействием на эмоции и подсознание. Магическая функция языка обеспечивает успех в общении политиков с населением, когда суггестивный момент преобладает над рациональным [8, с. 27].

6. Эзотеричность ПД основывается на политической просвещенности языка, что, по мнению Г. Водака, «должна быть доступной для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентирована на определенную группу (по историческим и социальным причинам), последнее часто противоречит доступности политического языка». Эзотеричность ПД является прагматической, а не семантической характеристикой, поскольку, с одной стороны, массовость его аудитории обуславливает деспециализацию политической терминологии, а с другой – большинство слов в ПД имеют смысловую неопределенность, расплывчатость.

7. Роль масс-медийного фактора определена тем, что ПД опосредован через СМИ. Благодаря СМИ аудитория становится почти непосредствен-

ным участником политических событий, хотя эти события проходят серьезную обработку – адаптируются и интерпретируются во время представления реципиентам. СМИ не просто выполняют функцию передачи информации, они соответственно влияют на эту информацию и подают ее в соответствии с определенными целями и задачами политической реальности [7, с. 140].

8. Дистанцированность и авторитарность зависят от необходимости сохранения дистанции между правителем и народом, это и физическое (просторная) дистанция и коммуникативная (контактная), и символическая, и психологическая, и информативная дистанция. Определенным образом расстояние между политиками и народом уменьшают СМИ, однако это скорее эффект отсутствия дистанции, чем ее реальное уменьшение или исчезновение. Политическая дистанцированность предопределяет и авторитарность политического текста, что предполагает безусловный авторитет политического лидера. Авторитарная коммуникация принципиально монологическая и противопоставляется полемичности как диалогической форме политического общения [6, с. 97].

9. Театральность ПД связана с тем, что основной адресат ПК – народ – выполняет роль наблюдателя, «зрителя» театральной постановки. Политики всегда помнят о потенциальной аудитории (как в зале, так и массового адресата перед экранами телевизора), поэтому лицедействуют, «играют» свои политические роли, ориентируясь на реципиентов. Для аудитории политические действия часто воспринимаются как набор сюжетов, сосредоточенных вокруг одного политического события. При этом политики играют разные роли, соответствующие выбранному имиджевым характеристикам.

10. Динамичность ПД связана с постоянными изменениями ПК и политического вещания. Из-за того, что политическая реальность и политическая жизнь постоянно меняются, соответственно меняется и политическая речь. Прежде всего это отражается на лексическом уровне, который является наиболее подвижным, а ПД выражается через так называемые «ключевые слова текущего момента» (Т. В. Шмелева).

Такие исчерпывающие признаки в полной мере отражают специфику ПД и являются характерными для ритуальных текстов ПД. Эти общие параметры требуют уточнения на вербальном уровне, поскольку политические тексты имеют свои особенности на языковом уровне, что и отличает их от других текстов жанров и стилей [5, с. 293].

Т. Ю. Ковалевская считает лингвистическими характеристиками политических дискурсов:

- использование слов с диффузной семантикой,
- деструкцию субъектной динамики,
- стилистическую амбивалентность, проявленную в контекстуальном столкновении разговорно-бытовых элементов и терминологических заимствований др.

Н. В. Кондратенко, анализируя новую политическую лексику, подчеркивает на таких определяющих тенденциях ее возникновения и функционирования: аксиологичность, что выражается в масштабном возникновении эмоционально окрашенной лексики; разговор и вульгаризации – привлечения стилистически сниженной и нелитературной, в частности обценной лексики в политической коммуникации; усиление интерактивности реализовано в доминировании неолексем на обозначения лица – субъектов политической коммуникации; актуализации субъективности и динамичности политического дискурса; усиления риторичности политического вещания на синтаксическом уровне [4, с. 156].

В ритуальных текстах ПД эти языковые признаки определенным образом модифицированы, однако соответствуют общим тенденциям [3, с. 23]. Политический дискурс прежде всего исследуют в рамках политической коммуникации, а его существенные признаки носят характер антиномий. Политический дискурс – это конкретное проявление политической коммуникации, что предполагает актуализацию политического текста в коммуникативном акте взаимодействия политического субъекта (политика, политической силы, власти) и политического объекта (аудитории, электората, избирателя). Он характеризуется институциональностью, информативностью, смысловой неопределенностью, фантомностью, фидеистичностью, эзотеричностью, актуализацией масс-медиа как канала коммуникации, дистанционностью и авторитарностью, театральностью и динамичностью [2, с. 7].

Ритуальный политический дискурс производится от имени конкретных политиков, однако факторы говорящего и автора не совпадают; реализованный в письменной и устной формах; преимущественно массово адресованным; способствует созданию и поддержанию политического имиджа; опосредуется в основном через телевидение, Интернет и газетные сообщения.

Литература

1. Авзалова Э.И. Трансформация политических институтов как проблема современной Российской политики // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 11-3. С. 86-88.
2. Адиев А.З. Этническое квотирование в Дагестане: проблемы функционирования неформального политического института // В сборнике: Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГУ Министерство образования и науки РФ, Ингушский государственный университет, Институт социальных исследований. Магас, 2016. С. 6-15.
3. Васютин С.А. Концепты "ВОЖДЕСТВО" и "государство" в оценке политических институтов раннесредневековых империй центральной Азии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4 (68). С. 22-27.
4. Гегедюш Н.С. Траектории развития институтов гражданского общества в политическом про-

странстве современной России // В сборнике: Консервативные традиции и либеральные ценности в постсоциалистической России сборник научных статей. 2016. С. 155-158.

5. Красножон А.Г. Социальная ответственность личности в сфере правовых и политических институтов российского общества // В сборнике: Актуальные проблемы моделирования, проектирования и прогнозирования социальных и политических процессов в мультикультуральном пространстве современного общества. Материалы V международной научной конференции молодых ученых, аспирантов, студентов, магистрантов. Ответственные научные редакторы: Л.В. Тарасенко, В.П. Свечкарев, Н.Х. Гафиатулина. 2016. С. 292-297.

6. Лапина Н.Ю. Элиты и политические институты пятой республики // В сборнике: Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции. Ответственные редакторы: Кузнецов А.В., Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Тимофеев П.П.. 2016. С. 96-108.

7. Малый А.Ф. Государство и общество: взаимодействие политических институтов // В сборнике: политико-правовые проблемы взаимодействия власти, общества и бизнеса в условиях экономического кризиса материалы IX Международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников, посвященной 80-летию Саратовской области. 2016. С. 139-142.

8. Мид Д.Г. Естественные права и теория политических институтов // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. 18. № 3-4 (91-92). С. 26-39.

9. Михайленко В.И. О центре арменоведения института социальных и политических наук УРФУ // В сборнике: 100-летие Геноцида армян в Османской империи: уроки истории Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт социальных и политических наук, Центр арменоведения, Департамент международных отношений; Ереванский государственный университет, Факультет социологии, Кафедра прикладной социологии; Редакционная коллегия: В.Д. Камынин (ответственный редактор), А.В. Атанесян (ответственный редактор), А.В. Лямзин (ответственный за выпуск), С. В. Аствацатуров, А. Г. Баблюян. 2016. С. 7-9.

10. Мясоедова В.А. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 19-28.

11. Окунев И.Ю. Постпозитивистский подход к изучению столиц как политического института // В сборнике: Политические коммуникации и публичная политика: концепции, методы, сравнение опыта Материалы XVII Всероссийского научного семинара. 2016. С. 179-182.

12. Свечникова М.В. Политическая партия как социально - политический институт // Новая наука: От идеи к результату. 2016. № 1-3. С. 74-75.

13. Фаридун У. Международные политические институты в Таджикистане // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2016. № 2/5 (207). С. 315-319.

14. Щербакова Т.В. Социально-политические факторы, влияющие на формирование института государственной службы // В сборнике: Правосознание современного общества: правовой, исторический, социальный и философский аспекты Материалы Международной научно-практической конференции, г. Астрахань, 25 марта 2016 г.. 2016. С. 152-155.

Political discourse in the aspect of highlighting typology and signs of text-forming signs

Sobolev V.V.

Far Eastern Federal University

The problems of political communication are at the center of attention of political linguistics as a separate branch of linguistic science. The use of the parallel terms "political linguistics" and "linguopolitology" is inappropriate, since the interdisciplinary nature of this linguistic industry determines the combination of various methodological principles, while the goal of political discourse is the struggle for power, which provides for the non-identity, asymmetry of the communicative positions of the speaker and the recipient. Political linguistics (linguopolitology) is aimed at the study of political communication and the basis of linguistic facts, and the expansion of its subject field occurs through the study of not only verbal, but also non-verbal components of political communication, which has a pronounced semiotic character. The methodology of political linguistics is based on the methods of critical analysis, content analysis, rhetorical criticism, cognitive analysis and intent analysis.

Key words: discourse, forms, political communications, specificity, authorship, functioning.

References

1. Avzalova E.I. Transformation of Political Institutions as a Problem of Contemporary Russian Politics // New Science: Current State and Ways of Development. 2016. No. 11-3. S. 86-88.
2. Adiev A.Z. Ethnic quotas in Dagestan: problems of the functioning of an informal political institution // In the collection: Collection of scientific articles of the Institute for Social Research IngGU Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ingush State University, Institute for Social Research. Magas, 2016. S. 6-15.
3. Vasyutin S.A. Concepts "LEADING" and "state" in the assessment of political institutions of early medieval empires of Central Asia // Bulletin of the Kemerovo State University. 2016. No. 4 (68). S. 22-27.
4. Gegedyush N.S. Trajectories of the development of civil society institutions in the political space of modern Russia // In the collection: Conservative traditions and liberal values in post-socialist Russia, a collection of scientific articles. 2016. S. 155-158.
5. Krasnozhon A.G. Social responsibility of the individual in the sphere of legal and political institutions of Russian society // In the collection: Actual problems of modeling, design and forecasting of social and political processes in the multicultural space of modern society Proceedings of the V international scientific conference of young scientists, graduate students, students, undergraduates. Responsible scientific editors: L.V. Tarasenko, V.P. Svechkaev, N.Kh. Gafiatulin. 2016. S. 292-297.
6. Lapina N.Yu. Elites and political institutions of the fifth republic // In the collection: France on the threshold of change: economics and politics at the beginning of the XXI century. Collection of articles following the All-Russian scientific conference. Editors in charge: Kuznetsov A.V., Klinova M.V., Kudryavtsev A.K., Timofeev P.P. . 2016. S. 96-108.

7. Small A.F. State and society: interaction of political institutions // In the collection: political and legal problems of interaction between government, society and business in the conditions of the economic crisis, materials of the IX International scientific and practical conference of graduate students, teachers, practitioners, dedicated to the 80th anniversary of the Saratov region. 2016.S. 139-142.
8. Mead D.G. Natural rights and the theory of political institutions // Personality. Culture. Society. 2016. T. 18.No. 3-4 (91-92). S. 26-39.
9. Mikhailenko V.I. About the Center for Armenian Studies of the Institute of Social and Political Sciences of the Ural Federal University // In the collection: 100th anniversary of the Armenian Genocide in the Ottoman Empire: history lessons Collection of articles based on the materials of the international scientific-practical conference. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Social and Political Sciences, Center for Armenian Studies, Department of International Relations; Yerevan State University, Faculty of Sociology, Department of Applied Sociology; Editorial board: V.D. Kamynin (executive editor), A.V. Atanesyan (executive editor), A.V. Lyamzin (responsible for the issue), S. V. Astvatsaturov, A. G. Babloyan. 2016.S. 7-9.
10. Myasoedova V.A. Formation of the Institute of Youth Political Elites in the Context of Political Transformations in the Russian Federation // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2016. No. 4. S. 19-28.
11. Okunev I.Yu. Post-positivist approach to the study of capitals as a political institution // In the collection: Political communications and public policy: concepts, methods, comparison of experience Materials of the XVII All-Russian Scientific Seminar. 2016.S. 179-182.
12. Svechnikova M.V. Political party as a socio - political institution // New Science: From Idea to Result. 2016. No. 1-3. S. 74-75.
13. Faridun U. International political institutions in Tajikistan // Bulletin of the Tajik National University. A series of socio-economic and social sciences. 2016. No. 2/5 (207). S. 315-319.
14. Shcherbakova T.V. Socio-political factors influencing the formation of the institution of public service // In the collection: Legal awareness of modern society: legal, historical, social and philosophical aspects Proceedings of the International scientific and practical conference, Astrakhan, March 25, 2016. 2016. P. 152 -155.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ИСТОЧНИК МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Мидова Венера Олеговна,

канд. филол. наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Антропоцентризм современного языкознания обусловил переакцентуацию внимания с системноструктурных параметров языка на речевую деятельность, на дискурсивную деятельность человека как основную реализацию языковой личности. Во второй половине прошлого века постепенно формируется новое направление языковедческих исследований, что является не только антропоориентированным, но и коммуникативно ориентированным, в центре внимания представителей которого возникает дискурс. Подходы к изучению дискурса различаются в зависимости от приоритетного научного направления, избранного исследователями. Несмотря на это, можем говорить о междисциплинарности понятия дискурса, что является общим для многих гуманитарных наук и отраслей языкознания – коммуникативной, социальной, когнитивной, психолингвистики, прагмалингвистики и лингвосинергетики.

Ключевые слова: дискурс, структура, взаимосвязанные составляющие, текст, речь, диалог.

Коммуникативный подход доминирует в современной российской лингвистике, находясь под влиянием метафорического определения Н. Д. Арутюновой как «речи, погруженной в жизнь», предложенного еще 25 лет назад. Прохоров видит в структуре коммуникации три взаимосвязанных составляющие: «интровертную фигуру – текст, экстравертную фигуру – дискурс, реальную фигуру-действительность ситуации общения» [10, с. 45]. Современные языковедческие исследования, выполненные в рамках коммуникативной парадигмы и посвящены выявлению сущности дискурса, основанные на экспликации понятий коммуникативной ситуации и текста, при этом текст трактуют как реализацию, вербальное воплощение результативной фазы дискурса, а коммуникативную ситуацию как сферу функционирования дискурса, его процессуальный аспект.

Среди американских коммуникативных ценностей первенство принадлежит ассертивности – преследованию своих интересов без ущерба для партнера по общению [12], уверенности в собственных силах и в будущем. Ценятся соревновательность, личный успех, независимость и напоричность [15]. Распространенные лозунги, являющиеся девизом для воспитания американского характера, – «go and get it» («иди и добейся этого»), «just do it» («просто сделай это») – отражают американский взгляд на мир и место человека в нем. Имеют значение и такие ценности, как прагматизм, рационализм, равенство, позитивизм. Американцам в меньшей степени (по сравнению с британцами) присуща скромность. В отличие от англичан, они не умалчивают своих достижений. Там, где британец предпочтет использовать недосказанность, американец, скорее, выберет преувеличение, привлекая внимание к собственной персоне и заслугам.

Даже знаки невербального общения, как, например, улыбка, выполняют различные функции в британской и американской культурах. Если у англичан распространена вежливая социальная улыбка, сигнализирующая окружающим об отсутствии враждебных намерений [5], то широкая американская улыбка – способ заявить о себе, продемонстрировать хорошую работу своего дантиста, засвидетельствовать свое благополучие, надежность, уверенность [1].

Географическое расположение Великобритании и США накладывает свой отпечаток на систему мировосприятия англичан и американцев. Обе страны расположены обособлено. Островное положение территории, на которой проживает англосаксонский этнос, выражается в поведенческих и

психологических установках англичан (речь идет о межличностной и персональной дистанции). Оно также находит воплощение в языке – особую значимость приобретает лингвоспецифический концепт *privacy* (приватность) и связанный с этим целый ряд явлений, в частности, стратегии негативной вежливости, или вежливости отдаления [5]. Одной из основных стратегий общения у англичан является защита личного пространства, сохранение лица. Языковые средства, выбираемые при коммуникации (в частности, ирония) служат для выполнения этой задачи.

Географическое положение США, занимающих большую и центральную часть континента, возвышает американцев в собственных глазах как титульную нацию и вносит вклад в формирование представления о центральном положении и важной глобальной роли. Лозунг нынешнего президента США Д. Трампа «*America first*» («Америка прежде всего») отражает такое представление. Что касается особенностей американской иронии, она, по сравнению с британской, более эксплицитна и агрессивна и меньше завуалирована.

Коммуникативно-когнитивный подход основывается на том, что «когнитивные (ментальные) процессы предшествуют продуцированию речевых актов и других единиц дискурса». В когнитивной лингвистике на стыке с дискурсологией находятся исследования, посвященные фреймовой структуре коммуникации. Изучение сценариев, топиков и фреймов составляют одно из приоритетных направлений лингвокогнитологии, но вместе с этим связаны и с изучением дискурса. Это направление сейчас активно развивается в лингвистике (А. П. Загнитко, И. М. Колегаева, Н. В. Кондратенко, А. А. Селиванова, К. С. Серажим и др.).

И ирония, и политика представляют собой манипуляцию; ирония – языковая манипуляция, политика – манипулирование общественным сознанием. И та, и другая преследуют определенную цель – ирония используется как средство достижения намерения автора (т.е. для создания определенного эффекта), целью политики является достижение и удержание власти. Также наблюдается много схожего в функциях иронического и политического дискурса. Немаловажна общая для политики и иронии стратегия деления на «своих» и «чужих» (в политике это «наши» – «не наши», в ироническом дискурсе это те, кто понимает иронию, и те, кому она недоступна).

Одна из наиболее важных стратегий – сохранение лица – соблюдается при помощи иронии в речи М. Тэтчер на церемонии открытия памятника ей в 2007 г. о том, что предпочтительнее был бы железный памятник, а не тот что сделан из бронзы. Для представителя британской культуры ситуация, в которой оказалась М. Тэтчер, весьма затруднительна. У англичан не принято признавать и высоко оценивать собственные заслуги, а произносить пафосные речи на церемонии, посвященной самому себе, считается дурным тоном. Поэтому единственный выход скрыть смущение – ирония и

самоирония. М. Тэтчер использует также ироническую игру слов, говоря о железном памятнике как о более предпочтительном варианте, намекая на свое прозвище (*iron lady* – железная леди).

При ответе на вопрос интервьюера о возможности стать премьер-министром Б. Джонсон иронически утверждает, что у него больше шансов на реинкарнацию. Эта шутка позволяет говорящему сохранить лицо и в то же время закрывает обсуждение щекотливой темы. Насмешка над политическими оппонентами завуалирована и требует фоновых знаний для ее расшифровки: «Здесь надо вставить шутку, как сказал бы Джереми Корбин». То, что это высказывание является ироническим, поймет лишь посвященный адресат, знакомый с речами лидера лейбористов Джереми Корбина, дискурс которого отличается предельной серьезностью и отсутствием юмора. При наличии этих фоновых знаний становится понятной насмешка со стороны Бориса Джонсона.

Искусный британский оратор Дэвид Кэмерон мастерски владеет иронией и употребляет ее для защиты: «Если вы видели мои фотографии на пляже в Корнуэлле этим летом, вы знаете, что у меня есть живот (есть силы, задор), чтобы сражаться». Д. Кэмерон использует ироническую игру слов, говоря о том, что у него «есть живот» (в буквальном смысле, это подтверждают фотографии на пляже), в то же время имея в виду и переносный смысл (*I've got the stomach for the fight* – у меня есть решимость, намерение бороться). Политик предупреждает возможные негативные комментарии о своей внешности и обращает недостатки в достоинство, используя самоиронию.

И ирония, и политика представляют собой манипуляцию; ирония – языковая манипуляция, политика – манипулирование общественным сознанием.

Ирония помогает отразить и предотвратить нападение оппонентов. Так, фраза бывшего министра иностранных дел Великобритании Бориса Джонсона направлена на предотвращение возможной критики: «Как замечательно быть здесь, в Манчестере – одном из немногих городов, где я еще не успел никого оскорбить». Политик, известный своими экстравагантными и резкими высказываниями, часто вызывает недовольство аудитории и знает об этом. Б. Джонсон открыто признает свой образ человека, постоянно обижающего кого-либо в своих речах. Ирония в данном предложении выступает с превентивной функцией и призвана защитить автора от возможных негативных комментариев.

В рамках психолингвистики В. В. Изящных, поддерживая позицию Т. А. ван Дейка, А. Е. Кибрика и Ю. М. Караулова в формировании понимания общего значения как дискурса, так и его составных частей «дискурс не только собственно произведение, но и деятельность (взятая в совокупности процесса и результата), в процессе которой речемысленный продукт и порождается», а считается, что дискурс может затрагивать достаточно разнородные группы используемых аспек-

тов. К. Ф. Седов относит к проблематике психолингвистики дискурса вопросы порождения и восприятия (понимания) речи, то есть «динамическую природу текстовой структуры» [9], хотя на практике демонстрирует в основном исследования завершённого текста и устной речи, что значительно ограничивает понятие дискурса.

Социолингвистические исследования дискурса в основном ориентированы на его типологию и определение институциональных типов дискурса. В. И. Карасик толкует институциональный дискурс как «специализированный клишированный разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами определенного социума». Учет социальных параметров коммуникативного взаимодействия составляет особенность социолингвистического подхода к анализу дискурса. Одним из типов институционального дискурса является политический.

А. А. Селиванова считает, что «в терминах лингвосинергетики дискурс может быть представлен как сложная, нелинейная и равнозначная система, охватывает ряд относительно самостоятельных функциональных узлов – модулей системной природы, взаимодействие которых обеспечивает, регулирует и корректирует процесс общения и самоорганизацию этой суперсистемы». Истолкования дискурса как динамической системы делает возможным сочетание традиционного системно-структурного подхода с современным дискурсивно-коммуникативным [8, с. 89]. При этом важным остается аспект понимания текста, так как анализ дискурса (и текста) как «самодостаточной сущности» вызывает необходимость выявления «внутренних механизмов понимания как определение того, на что указывает «тело текста», которое характеризуется своими специфическими особенностями». Считаем, что лингвосинергетический подход еще не раскрыт в исследованиях политики, он нуждается в углублении и дальнейшем расширении.

По мнению И. С. Шевченко прагмалингвистика охватывает сегодня подход который относят к области социальной прагматики – «обращение к анализу прагматики речи как социальной практики коммуникантов с учетом существующего социального уклада, поиск путей оптимизации этой практики в критическом анализе дискурса», а также когнитивно-прагматический подход, «нацелен на изучение мысленно-речевых основ коммуникации» [7, с. 95]. Однако В. Г. Борботько критикует прагмалингвистический подход к анализу дискурса, поскольку такие исследования «возведен на практике лишь к констатации в тексте элементов, обладающих «прагматической силой», то есть побуждения, эмоциональных оценок, контактов и тому подобное, но не объясняют их настоящих системных функций, как и случаев полного отсутствия подобных элементов в дискурсе».

И. С. Шевченко считает, что и минимальной единицей дискурса нужно считать речевой акт как «речевое взаимодействие говорящего и слушате-

ля для достижения определенных перлокутивных целей говорящего путем конструирования ими дискурсивного значения в ходе общения». Однако этот подход делает невозможным анализ дискурса вне устной спонтанной речи, то есть ограничивает его определение и проблематику дискурс-анализа. [6, с. 67].

Итак, понимая дискурс как предмет междисциплинарных исследований и учитывая его многоаспектность, определяем дискурс как процесс и результат речевой деятельности человека, что имеет знаковую форму и реализован в тексте в совокупности с коммуникативной ситуацией.

Как видим из этой типологии, здесь имеются определенные логические противоречия, а некоторые типы неоправданно попадают одновременно в несколько групп, однако предложенные критерии распределения являются соответствующими для анализа ПК. По нашему мнению, проблема разработки типологии ПК заключается в определении ее объема и дефинировании, поскольку объем этого понятия ограничено различными критериями – тематическим, жанровым, временным и тому подобное [5, с. 42]. Мы соглашаемся с позицией О. И. Шейгал, которая предлагает широкое истолкование ПК, однако считает, что ее основным критерием является интенционный – борьба за власть.

Н. В. Кондратенко определяет ПД как проявление ПК: «Политический дискурс – это конкретное проявление политической коммуникации, что предполагает актуализацию политического текста в коммуникативном акте взаимодействия политического субъекта (политика, политической силы, власти) и политического объекта (аудитории, электората, избирателя)» [4, с. 129].

Учитывая дискуссионность понятия ПК, требует уточнения и термин «политическая речь» или «язык политики», поскольку некоторые ученые употребляют их как синонимы к ПК и ПД. В. В. Петренко, анализируя употребление терминов «политическая речь» и «политический дискурс» подчеркивает, что «достаточно часто ученые, занимающиеся проблемами политической речи, в своих работах используют как термин «политический дискурс», так и термин «политическая речь» и, как правило, употребляют их как синонимы, по крайней мере, они не указывают, что как-то различают эти понятия» [1, с. 12].

Определение особой знаковой системы, предназначенной именно для обслуживания ПК, представлено в работах исследователей А. М. Баранова и Ю. М. Караулова, однако оно было неоднократно раскритиковано другими лингвистами из-за невозможности выделения специфической языковой системы политики, которая бы пользовалась другими единицами языка, отличными от национальной – современного языка. Активное употребление термина «язык политики» в языкознании обусловлено его специфическим истолкованием не как особой системы языка, а как «профессиональной подготовки» (А. Й. Шейгал), «политического вещания» (Н. В. Кондратенко) или «идиопо-

литического дискурса (П. Б. Паршин), то есть как содержательно-функциональной разновидности национального языка, обслуживающего политическую сферу. А. П. Чудинов называет политический язык «вариантом национального языка», рекомендуя избегать истолкования политического языка как особой системы единиц.

По нашему мнению, язык политики выходит за пределы современного литературного языка, поскольку содержит большое количество ненормативных элементов, в том числе на уровне лексики – жаргонизмов, варваризмов, арготизмов тому подобное. По мнению Л. В. Завальской, жаргонизмы преобладают в политическом вещании и составляют более 67% от общего количества стилистически сниженной лексики, которой избобилуют речи политиков, даже ритуальные тексты не лишены таких элементов.

Политическая лексика представляет открытую систему и постоянно пополняется за счет заимствований и новообразований. Именно сфера политики, как и язык СМИ, содержит большое количество лексических инноваций, которые постепенно входят в литературный язык. Использование таких номинаций в текстах ритуального характера не представлено, поскольку они имеют инновационный характер, однако со временем часть этих лексических единиц войдет в литературный язык и будет активно использоваться в речах политиков.

Следовательно, отождествлять понятия политического языка и НК или ПД нет смысла, поскольку эти термины употребляют на обозначение принципиально разных понятий. Считаем, что ключевым понятием политической лингвистики должно стать «политический дискурс», охватывающий основные сферы проявления НК и является воплощением политического вещания.

Литература

1. Абраменко Е.Г. Некоторые аспекты становления парламентаризма как политического института в странах центральной и восточной Европы // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2016. № 15. С. 12-19.
2. Брянцев И.И. Роль института уполномоченного по правам человека в повышении устойчивости региональной политической системы к миграционному фактору // В сборнике: Политическое регулирование региональных этноконфессиональных отношений: особенности, новации, перспективы Сборник научных статей по материалам третьей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 20-24.
3. Каневский П.С. Теоретико-методологические проблемы изучения лоббизма как неформального политического института // Социология. 2016. № 3. С. 20-27.
4. Корниенко Т.А. Современные тенденции развития политических институтов в условиях глобализации // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. № Т41. С. 128-135.
5. Кравченко Н.П. PR - современный институт политического менеджмента // Научный вестник

Кубанского государственного университета. Медиакоммуникация. 2016. № 1 (2). С. 41-45.

6. Михайлов С.Н., Черячукин В.Г. Политические институты в России: выбор главного звена в борьбе с коррупцией // В сборнике: Стратегические ориентиры инновационного развития АПК в современных экономических условиях материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 66-69.

7. Мясоедова В.А. Особенности развития региональных институтов молодежных политических лидеров // Социодинамика. 2016. № 10. С. 94-104.

8. Петрова С.В. Республика Абхазия как непризнанное государство: становление и особенности политических институтов // В сборнике: Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты сборник материалов Всероссийской научной конференции. Самарская гуманитарная академия. 2016. С. 88-92.

9. Фролова О.А. Политическая система США : Институты и авторы // Москва, 2016.

10. Шумилов А.В. Опыт политических институтов в формировании инновационного развития новых поколений // Youth World Politic. 2016. № 1. С. 43-49.

Political discourse as a source of methodology and history of study in linguistics.

Midova V.O.

Russian University of Economics. G.V. Plekhanov

The anthropocentrism of modern linguistics has led to a re-focusing of attention from the system-structural parameters of the language to speech activity, to the discursive activity of a person as the main realization of a linguistic personality. In the second half of the last century, a new direction of linguistic research is gradually being formed, which is not only anthropocentric, but also communicatively oriented, in the center of whose representatives' attention is discourse. The approaches to the study of discourse differ depending on the priority scientific direction chosen by the researchers. Despite this, we can talk about the interdisciplinarity of the concept of discourse, which is common to many humanities and branches of linguistics - communicative, social, cognitive, psycholinguistics, pragmalinguistics and linguosynergetics.

Key words: discourse, structure, interrelated components, text, speech, dialogue.

References

1. Abramenko E.G. Some aspects of the formation of parliamentarism as a political institution in the countries of Central and Eastern Europe // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. 2016.No. 15.P. 12-19.
2. Bryantsev I.I. The role of the ombudsman institution in increasing the stability of the regional political system to the migration factor // In the collection: Political regulation of regional ethno-confessional relations: features, innovations, prospects Collection of scientific articles based on the materials of the third International scientific and practical conference. 2016.S. 20-24.
3. Kanevsky P.S. Theoretical and methodological problems of studying lobbying as an informal political institution // Sociology. 2016. No. 3. S. 20-27.
4. Kornienko T.A. Modern trends in the development of political institutions in the context of globalization // Scientific and methodological electronic journal Concept. 2016. No. Т41. S. 128-135.
5. Kravchenko N. P. PR - modern institute of political management // Scientific Bulletin of the Kuban State University. Media communication. 2016. No. 1 (2). S. 41-45.
6. Mikhailov S.N., Cheryachukin V.G. Political institutions in Russia: choosing the main link in the fight against corruption // In the collection: Strategic guidelines for innovative development of the agro-industrial complex in modern economic conditions,

- materials of the international scientific and practical conference. 2016.S. 66-69.
7. Myasoedova V.A. Features of the development of regional institutions of youth political leaders // Sociodynamics. 2016. No. 10. S. 94-104.
 8. Petrova S.V. The Republic of Abkhazia as an unrecognized state: the formation and characteristics of political institutions // In the collection: Unrecognized states: methodological, political and legal aspects, a collection of materials of the All-Russian scientific conference. Samara Humanitarian Academy. 2016.S. 88-92.
 9. Frolova O.A. The political system of the United States: Institutes and authors // Moscow, 2016.
 10. Shumilov A.V. The experience of political institutions in shaping the innovative development of new generations // Youth World Politic. 2016. No. 1. S. 43-49.

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА

Костолевский Анатолий Сергеевич,
аспирант, кафедра политологии, Южный федеральный университет

Формирование уважения молодого поколения к государству и его институтам является одним из важнейших приоритетов любого общества. Гражданское становление современной российской молодежи происходит в условиях глубоких политических изменений, постоянного декларирования стремлений утвердить в политической России демократическое, социальное, правовое государство и сформировать принципы и нормы гражданского общества. Но на самом деле эти вопросы остаются проблемным полем противоречий в современном обществе.

Неотъемлемой составляющей государства в России является национальное и гражданское воспитание, в основе которых должны быть положены принципы гуманизма, демократизма, поступательности и наследственности.

Национальное и гражданское воспитание должны способствовать как можно более полному приобретению молодыми гражданами нужного социального опыта, наследования лучших достижений народа в сочетании с достижениями других народов, утверждению высокой культуры взаимоотношений между людьми разных национальностей.

Ключевые слова: общество, семья, школа, культура, воспитание.

Общество, семья, школа, общественность в любой стране и при любых условиях их функционирования непременно ставят перед собой задачу воспитать человека-гражданина, человека-патриота [11, с. 215]. Именно гражданственность чаще всего связана с государственностью – они тесно взаимодействуют и не существуют друг без друга. [10, с. 79].

Личность имеет возможность для свободного развития лишь в правовом, демократическом государстве, где образовались нормы и принципы гражданского общества. Именно гражданское общество требует своего типа патриотизма, поэтому чрезвычайно актуальной для нашей страны является тема гражданского патриотизма, который объединил бы представителей разных этносов в политическую нацию.

Политическая идеология и политическое сознание на практике реализуются в различных формах политической деятельности. Остановимся на них подробнее. Трансляция политической культуры индивида начинается с момента осознания им значимости политического процесса и самоидентификации в нем. При этом участие в общественно-политической жизни может иметь разнообразный характер: начиная от обсуждения политической жизни и заканчивая активной деятельностью в составе партии. По нашему мнению, целостность политической культуры зависит от понимания личностью составляющих системы ценностей общества и их трансляции (влияние) на общественно-политический процесс. Собственно, это является вторым компонентом предлагаемой выше интерпретации политической культуры молодежи как системы социальных коммуникаций.

Стоит отметить, что при большой численности зарегистрированных молодежных организаций сама молодежь об их существовании и деятельности информирована недостаточно. В то же время высокой является активность молодежи в предвыборной агитации и акциях политических партий, причиной чему является материальное вознаграждение для участников, начинает негативную тенденцию формализации общественно-политической жизни в глазах молодежи: в гражданских акциях усматривается «пиар», а в политических – возможность заработать.

Приведенные данные указывают на то, что политическая активность молодежи в значительной степени зависит от политической ситуации в стране: молодежь всегда разделяет возвышение и активизацию общественно-политической жизни, реагирует на кризисные явления, однако, как свидетельствует ретроспективный обзор, не выступа-

ет инициатором всеобщих общественных движений. На настоящем этапе констатируем низкую заинтересованность молодых людей в общественных делах и политике, что свидетельствует о неудовлетворительном уровне гражданской культуры.

Процесс формирования жизненных приоритетов современной молодежи имеет ощутимо прагматичный и практический характер. Так, самым главным в жизни признается обеспечение личного комфорта (достатка), самореализация в профессиональном плане, создание семьи. На этом фоне духовные и общественные ценности отходят на второй план, а именно – свобода совести, возрождение национальной культуры, общественное признание. Считаем, что жизненные ценности, установленные в таком порядке, порождают равнодушные к общественной жизни с одновременным проявлением активности в борьбе за лучшую жизнь.

Образцы политического поведения формировались при разных обстоятельствах. Если старшее поколение, воспитанное в духе социальных установок и идеалов советской эпохи, может противиться в некоторой степени на собственный жизненный опыт, то формирование социально-политических установок молодежи происходит в соответствии с текущими событиями. Поэтому вследствие усиления разрыва между принятыми общечеловеческими ценностями и частыми случаями макиавеллизму у молодежи формируется установка на то, что поведение, направленное на удовлетворение собственных интересов вопреки интересам общества, является вполне оправданной.

Распространение в социуме примеров коррупции, безнаказанности приводит к «стиранию» в сознании молодого поколения понятия о справедливости. Поэтому путь к успеху часто ассоциируется с аморальностью и беззаконием.

Вышеупомянутое позволяет очертить две неутешительные тенденции: первая-деградация морального здоровья общества и вторая-разочарование молодежи в возможности полноценно реализоваться в России.

Подытоживая все вышеизложенные нами факты касательно политической культуры молодежи, заметим, что часть описанных негативных явлений возникает естественно в условиях социального кризиса, вызванного нестабильным экономическим и политическим положением в государстве. В свою очередь, отсутствие действенной молодежной политики и политического воспитания только способствует снижению гражданской политической культуры молодежи.

Факторы, влияющие на формирование политической культуры молодого поколения, имеют политическую и социокультурную, психологическую природу. По нашему мнению, представленный в отечественной молодежи набор национальных и психологических характеристик практически в любых сочетаниях будет способствовать формированию политической культуры исключительно в случае налаживания внутренне системных меха-

низмов влияния на процесс реализации государственной политики, присущих демократическому обществу. Подытоживая обзор факторов формирования молодежной политической субкультуры, отметим, что их соотношение остается неравным в пользу деструктивных. Так, оперативной корректировки нуждаются такие, как: недоверие к власти, кризис традиционных ценностных систем, кризис морали в обществе – все те, что непосредственно лишают веры в возможность повлиять на политический процесс и реально отстаивать свои права.

Патриотизм государственного уровня должен находить свое место и у представителей национальных меньшинств, потому что патриотом России может и должен быть каждый ее гражданин, независимо от национальности. По этому поводу российская научно-педагогическая мысль придерживается идеи Г. Ващенко, который писал, что “надо помнить, что на территории России живут и другие народы. С ними нам придется сотрудничать, а это возможно лишь при условии справедливого отношения к ним, по которой защищаются права российского народа, но вместе с тем не нарушаются законные права других народов” [9, с. 15].

Наблюдения за эволюцией общественного сознания в России дает основания говорить о том, что патриотизм не может толковаться или как бескорыстная жертвенность, или как корыстная признательность за полученные блага. Народ всегда ожидает проявлений патриотизма от тех, кого он признает своими лидерами, руководителями, лидерами. Поэтому причины размытости современного российского патриотизма следует искать в деятельности властных структур [8, с. 180].

Патриотизм – общественно-психологическое и нравственное чувство, которое включает в себя преданность и любовь к своей Родине, к своему народу, способность к защите ее не только от внешних врагов, но и внутренних, деградировавших людей. Деградированные люди-это люди нечестные, мошенники, убийцы, аморальные, бездуховные, вызывающие проблемы и раздор в обществе, стремятся к власти, богатству за счет труда других, тем самым предопределяют негативное состояние общественных отношений в российском обществе и негативный имидж нашего общества в мире [7, с. 154].

Поэтому сейчас, как никогда, нужны новые подходы и новые пути к воспитанию патриотизма как чувства и как базового качества личности. При этом нужно учитывать, что Россия имеет древнюю и великую культуру и историю, опыт государственнического жизни, которые выступают мощным источником и прочной основой воспитания детей и молодежи. Они уже вошли в образовательное и общевоспитательное пространство, но нынешние общественные процессы требуют их переосмысления, которое открывает новые возможности для образовательной сферы.

На современном этапе развития России, когда существует прямая угроза денационализации, потери государственной независимости и попадания

в сферу влияния другого государства, возникает настоятельная необходимость переосмысления сделанного и осуществления системных мер, направленных на усиление патриотического воспитания детей и молодежи – формирование нового русского, который действует на основе национальных и европейских ценностей:

- уважение к национальным символам (Герба, флага, гимна России);
- участие в общественно-политической жизни страны;
- уважение прав человека;
- верховенство права;
- толерантное отношение к ценностям и убеждениям представителей другой культуры, а также в региональных и национально-языковых особенностях;
- равенство всех перед законом;
- готовность защищать суверенитет и территориальную целостность России.

Следовательно, учитывая все обстоятельства, возникает острая потребность в разработке концепции, которая бы определяла новую стратегию целенаправленного и эффективного процесса воспитания субъекта гражданского общества, гражданина патриота России.

В концепции намечены пути реализации патриотического воспитания детей и молодежи, в частности: деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в сфере национально-патриотического воспитания:

- проведение мероприятий, направленных на реализацию патриотического воспитания в учреждениях системы образования, культуры, спорта;
- поддержка и содействие волонтерским проектам, другой общественной деятельности и самоорганизации российских граждан, направленной на поощрение молодежи к благотворительным социальным, интеллектуальным и творческим инициативам и проектам на благо России;
- создание условий для популяризации лучших достижений национального культурного и духовного наследия, героического прошлого и настоящего российского народа, поддержки профессионального и самодельного творчества;
- привлечение молодежи к участию в сохранении и поддержании единства российского общества, в общественном движении ради гражданского мира и согласия;
- содействие спортивной и физической подготовке, направленной на утверждение здорового образа жизни молодых граждан с учетом принципов национально-патриотического воспитания;
- налаживание сотрудничества с военными формированиями России как мотивация готовности к выбору военных профессий;
- содействие работе клубов по месту жительства, центров патриотического воспитания и других общественных организаций, осуществляющих патриотическое воспитание молодежи;
- совершенствование подготовки и переподготовки кадров, занимающихся вопросами национального и патриотического воспитания детей и

молодежи в системе образования, культуры, спорта.

Также данное сотрудничество органов государственной власти и органов местного самоуправления с гражданским обществом:

- активное привлечение к национально-патриотическому воспитанию детей и молодежи детских и молодежных общественных организаций (объединений), использование их опыта, потенциала, методов работы в воспитании патриотов России;
- организационная и финансовая поддержка на конкурсной основе программ, проектов общественных организаций, направленных на национально-патриотическое воспитание детей и молодежи;
- приобщение родительской общественности к популяризации лучшего опыта патриотического воспитания;
- усиление общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти относительно национально-патриотического воспитания молодежи.

Актуальность национально-патриотического воспитания граждан, особенно детей и молодежи, предопределяется процессом консолидации и развития российского общества, современными вызовами, стоящими перед Россией и требуют дальнейшего совершенствования системы национально-патриотического воспитания, оптимизации государственной политики в указанной сфере [4, с. 92].

В основу системы национально-патриотического воспитания должны быть положены идеи укрепления российской государственности как консолидирующего фактора развития общества, формирования патриотизма у детей и молодежи.

За все годы независимости России таких мощных развернутых документов по национально-патриотическому воспитанию не было. [3, с. 160]. Мы возлагаем большие надежды на действенность этих концепций и программы. Если ожидания оправдаются, то мы будем иметь качественно новую сильное государство и сплоченный единый народ, гражданина, личность с высокими моральными качествами и самосознанием.

Всеобъемлющую любовь к Родине можно воспитать только национальной культурой. Но патриотизму нельзя научить путем директивных предписаний, с помощью властного принуждения.

Таким образом, особенностями и основными направлениями формирования молодежной политической субкультуры в России является повышение политической активности, инициативности через привлечение молодежи к реально и эффективно действующих молодежных организаций; изменения в политическом сознании – ориентация на либеральные, национально-демократические, гуманистические ценности; стремление к достойному уровню развития и жизни молодого человека через осознание прав, свобод и ответственности за свои действия; формирование рационально-

критического восприятия, интерпретации и осознания фактов социально-политической жизни. Итак, в России на сегодня сформировались все составляющие молодежной политической культуры, которые активно развиваются, и это сказывается на ее особенностях.

Литература

1. Гаврилов А.Р. Роль политических медиавлияний в становлении политической культуры молодежи // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 10-1 (52). С. 125-128.

2. Гаджиев Х.А. Формирование политических институтов в трансформационный период: место и роль политической культуры // *PolitBook*. 2016. № 2. С. 40-51.

3. Денисова Л.Л. Теоретико-методологические основания изучения политической культуры // В сборнике: *евразийская интеграция* Материалы II Международной научно-практической конференции. Научно-образовательный центр «евразийская педагогическая интеграция»; Научный редактор Л.Н. Горобец; ответственные редакторы: А. А. Васильев, А. А. Шматко, И. И. Тарасова. 2016. С. 159-165.

4. Ильин О.Ю. Правовая и политическая культура как условие успешной социализации индивида // В сборнике: *Образование в XXI веке* Материалы Всероссийской научной заочной конференции. Ответственный редактор Майкова Э.Ю.. 2016. С. 91-96.

5. К вопросу о политической культуре и избирательном процессе в Липецкой области Клейменов А.Н. // *Инновационная экономика и право*. 2016. № 2 (3). С. 63-72.

6. Каменец А.В., Савва П.В. Проблемы формирования политической культуры в современной России // В сборнике: *Культура, искусство, образование в информационном пространстве третьего тысячелетия: проблемы и перспективы* Сборник научных трудов факультета искусств и социокультурной деятельности РГСУ. Ответственные редакторы И. А. Корсакова, Н. И. Ануфриева. Москва, 2016. С. 52-58.

7. Новоставский И.Н. Информационное пространство интернета как фактор формирования политической культуры студенческой молодежи // В сборнике: *Кубанские исторические чтения* материалы VII Международной научно-практической конференции. 2016. С. 153-159.

8. Прокофьев А.Е. Либеральные идеи в народной социально-политической культуре // В сборнике: *Современные научные исследования: актуальные теории и концепции* сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. 2016. С. 180-181.

9. Протасова О.Л. Демократический социализм как явление российской политической культуры первой четверти XX века // *Символ науки*. 2016. № 5-1 (17). С. 14-20.

10. Фёдорова А.А., Шарапова К.Д. Роль политической культуры в политической системе современного общества // *Новая наука: Теоретический и практический взгляд*. 2016. № 5-1 (81). С. 78-82.

11. Федорченко С.Н. Легитимность демократии и архаика политической культуры (на примере пост-

советских среднеазиатских и африканских режимов) // В сборнике: *Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт* материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 210-216.

Education of a patriotic personality in the development of an independent state

Kostolevsky A.S.

Southern Federal University

Building respect for the state and its institutions by the younger generation is one of the most important priorities of any society. The civil formation of modern Russian youth is taking place in the conditions of profound political changes, the constant declaration of aspirations to establish a democratic, social, legal state in political Russia and to form the principles and norms of civil society. But in reality, these issues remain a problematic field of contradictions in modern society.

An integral part of the state in Russia is national and civic education, which should be based on the principles of humanism, democracy, progressiveness and heredity.

National and civic education should contribute to the fullest possible acquisition of the necessary social experience by young citizens, the inheritance of the best achievements of the people in combination with the achievements of other peoples, the establishment of a high culture of relationships between people of different nationalities.

Key words: society, family, school, culture, education.

References

1. Gavrilov A.R. The role of political media influences in the formation of political culture of youth // *International research journal*. 2016. No. 10-1 (52). S. 125-128.
2. Gadzhiev Kh.A. The formation of political institutions during the transformation period: the place and role of political culture // *PolitBook*. 2016. No. 2. S. 40-51.
3. Denisova L.L. Theoretical and methodological foundations for the study of political culture // In the collection: *Eurasian integration Materials of the II International scientific and practical conference. Scientific and educational center "Eurasian pedagogical integration"*; Scientific editor L.N. Gorobets; executive editors: A. A. Vasiliev, A. A. Shmatko, I. I. Tarasova. 2016.S. 159-165.
4. Ilyin O.Yu. Legal and political culture as a condition for the successful socialization of an individual // In the collection: *Education in the XXI century* Materials of the All-Russian scientific correspondence conference. Managing editor Maikova E.Yu. 2016. S. 91-96.
5. On the issue of political culture and electoral process in the Lipetsk region Kleimenov A.N. // *Innovative Economics and Law*. 2016. No. 2 (3). S. 63-72.
6. Kamenets A.V., Savva P.V. Problems of the formation of political culture in modern Russia // In the collection: *Culture, art, education in the information space of the third millennium: problems and prospects* Collection of scientific works of the Faculty of Arts and Sociocultural Activities of the RSSU. Managing editors I. A. Korsakova, N. I. Anufrieva. Moscow, 2016.S. 52-58.
7. Novostavsky I. N. Information space of the Internet as a factor in the formation of the political culture of student youth // In the collection: *Kuban historical readings, materials of the VII International scientific-practical conference*. 2016.S. 153-159.
8. Prokofiev A.E. Liberal ideas in populist socio-political culture // In the collection: *Modern scientific research: actual theories and concepts* collection of materials of the XIV International scientific-practical conference. 2016.S. 180-181.
9. Protasova O.L. Democratic socialism as a phenomenon of Russian political culture in the first quarter of the 20th century // *Symbol of Science*. 2016. No. 5-1 (17). S. 14-20.
10. Fedorova A.A., Sharapova K.D. The role of political culture in the political system of modern society // *New Science: Theoretical and Practical View*. 2016. No. 5-1 (81). S. 78-82.
11. Fedorchenko S.N. The legitimacy of democracy and the archaic of political culture (on the example of post-Soviet Central Asian and African regimes) // In the collection: *Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience, materials of the VII All-Russian scientific-practical conference*. 2016.S. 210-216.

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Долженко Варвара Анатольевна,
аспирант, Дальневосточный федеральный университет

В зависимости от оценки многочисленными авторами соотношение понятий „политическая культура“, „политическое сознание“ и „политическая идеология и психология в научной литературе видение структуры политической культуры меняется. Политическая культура является понятием, шире понятия политического сознания, через то, что политическая культура включает в себя политическую деятельность, внесознательные архетипы поведения. Не все составляющие сознания входят в состав политической культуры, а только те, которые отражают в себе постоянные и повторяющиеся образцы.

На наш взгляд, справедливой формулировкой является трактовка профессора. Полищука, за которым политическая культура – это совокупность типичных, относительно устойчивых знаний, представлений, установок, убеждений, ценностей, ориентаций, образцов поведения, символов, сложившаяся в результате исторического опыта предыдущих поколений.

Ключевые слова: убеждение, поведение, ценности, политическая культура, совокупность, термины.

Исследователь политической культуры М. Кравец доказывает, что ученый В. Липинский более точно означает понятие политической культуры, чем г. Алмонд: “В. Липинский за 25 лет до г. Алмонда в своем анализе политической культуры пошел дальше, отметив онтологические, гносеологические основы политической культуры. В своей работе Г. Алмонд отмечает: “Региональная классификация основывается не на свойствах политических систем”. В. Липинский доказывает то же самое, подчеркивая, что “...политическая культура одной нации не может быть механически перенятая нацией другой... Потому что в континентальных демократических республиках промышленник принадлежит к совершенно иному типу, чем в Англии” [3, с. 216].

Исходя из вышеприведенных подходов к определению структуры политической культуры, можно прийти к выводу, что она является сложным образованием, которое характеризуется глубокой содержательностью и многоэлементностью. Однако в контексте определенного предмета исследования, нужно найти такой методологический подход, который в наибольшей степени отражал бы все ее особенности и отвечал поставленным исследовательским задачам [11, с. 395].

На наш взгляд, учитывая указанное, политическая культура личности определяется как совокупность политических ценностей, образцов и норм поведения, действующих в рамках определенной политической системы и определяют взаимодействие, характер, способы существования личностей в политическом процессе, политических институтах и политических сообществах [10, с. 12].

Политическая культура анализируется как ментальная часть политической системы, качественное состояние деятельности институтов политической системы, совокупность политических ценностей и норм, образцов поведения [8, с. 24].

Изменения в политической культуре личности – уровень заинтересованности политикой в контексте кризиса доверия и ориентация на институты политической системы, включая партийную систему, – позволяют сделать такие выводы. Изменения базового типа политической культуры в России окончательно не произошли, поскольку этот процесс приобретает завершённый вид после формирования новой целостной системы норм, ценностей, правил, символов, убеждений, кодируемых в новой традиции, передаваемой следующим поколениям. Мы можем говорить, что сегодня в России только начинает прослеживаться тенденция к формированию системы постматериальных ценностей, в которой наиболее важными являются самореализация, качество жизни, достоинство,

которые на уровне политических ориентаций превращаются в качественно новое понимание свободы и демократии.

Однако относительно политической культуры русского общества, в рамках которого одновременно происходят процессы экономического и политического реформирования, можно говорить о некоторых общих чертах на уровне региональных и генерационных субкультур.

Это, прежде всего, минимальный уровень веры в способность политической системы к конструктивным трансформациям; низкий уровень доверия к государственным институтам и профессиональным союзам; путаница в восприятии и толковании таких определяющих понятий, как демократия, политический плюрализм, разделение властей и тому подобное; принятие идеи рынка в условиях одновременного недовольства результатами попыток введения и реализации механизмов его функционирования.

Особенностью политической культуры личности в России в целом является и склонность к применению неконвенциональных форм протеста (участие в демонстрациях, забастовках) и силовых методов решения конфликтных ситуаций (использование физической силы в отношении политических противников, разрушение зданий или памятников, имеющих символическое значение).

Для России остается актуальной проблема формирования и создания механизмов функционирования тех типов политической культуры, которые присущи устойчивым формам демократии. Сделать это очень трудно, поскольку тоталитарная политическая культура, которая еще не стала историей на постсоветском пространстве, имеет значительную государственную экономическую и идеологическую базу для своего воспроизводства. В первую очередь следует выяснить те сферы проявления сознания, которые продолжают поддерживать тоталитарную политическую культуру. Советский тоталитарный режим целенаправленно формировал массовое сознание и типы личности, которые воспринимали социальный мир сугубо в черно-белом варианте. Массовому сознанию навязывались парные стереотипы, которые привели к формированию соответствующих типов политического поведения. Такая дуальность массового сознания поддерживалась формированием и закреплением «образа врага», который будет существовать всегда [2, с. 265].

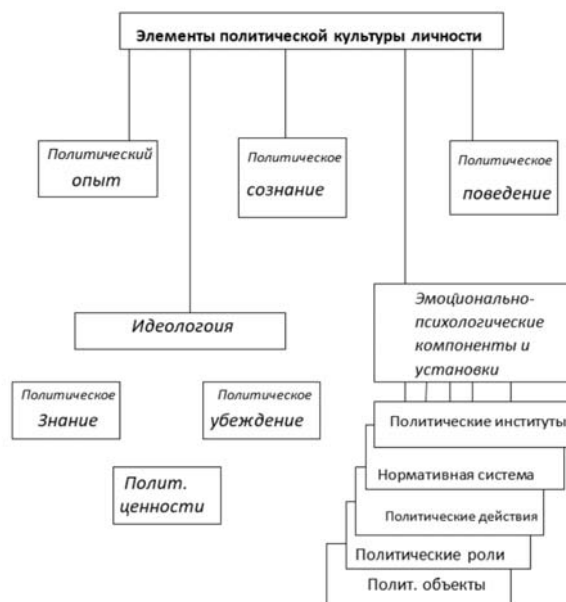
Формирование политической культуры личности предусматривает обязательное согласование «сквозных», проверенных вековым опытом идей и ценностей народа, его менталитета как особого заряда духовного опыта и традиций. [3, с. 239].

Политическая культура личности является связью между общим действием человека и политической власти. Она служит для привлечения людей к политической деятельности, к политической системе в целом. В современном понимании политическая культура личности представляет собой два начала: духовное (идеологическое) и практическое (действенно). Способность того или иного

качества стать частью политической культуры личности сказывается в первую очередь его важности для практической политической деятельности.

Кроме представления о политической культуре личности как социально-психологическом явлении, существует так называемый "социэтальный" подход.

Итак, политическая культура личности – это определенный составной элемент общенациональной культуры. Это прежде всего такое средство функционирования личности в сфере политических отношений, который показывает достигнутый уровень политической активности и политической зрелости субъекта. Он содержит разнообразные составляющие и уровни: культуру связи субъекта с реализацией политической власти; культуру избирательного процесса; культуру формирования политических и общественно-политических институтов; культуру политического поведения личности; культуру политического сознания и общения и другие, иначе говоря, влияет на всю отрасль политической жизни общества.

Пересекаясь в социуме, политическая и популярная культуры имеют общие и особые признаки функционирования в современный период. Можно назвать такие общие особенности этих культур.

Первая. И политическая, и популярная культуры формируются под влиянием исторических, национальных, социальных, экономических факторов в том или ином обществе. Усвоение политической и популярной культур происходит в процессе получения образования, в политической деятельности, общении с семьей, друзьями, в процессе потребления продуктов СМИ, большинство которых несут на себе отпечаток масскультуры.

Политическая и популярная культуры характеризуют особый тип ориентаций субъектов на политику в том или ином обществе, указывая на разницу между людьми, нациями.

Вторая особенность. Популярная и политическая культуры выполняют общие функции в обществе. Среди них важнейшей является социализирующая, направленная на воспитание гражданина-патриота. Политическая культура призвана формировать чувства национальной гордости, осознание принадлежности к своей стране, гордость за ее прошлое, понимание перспектив общественного развития.

Политическая социализация осуществляется также и путем усвоения популярной культуры. Преломляясь через массовое сознание, популярная культура по-своему отражает реальность, донося ее до широких масс, которые не очень разбираются в тонкостях политической жизни. В социуме она используется для пропаганды национальных чувств, патриотизма, возвращение к истокам; к ней обращаются и в PR-акциях, к примеру, для борьбы с политическим противником, для создания его негативного имиджа.

Третья особенность. Популярная культура все чаще становится символом глобализации. Мы смотрим мексиканские сериалы, американские „мыльные оперы” – в них будто и нет никакого политического измерения. Однако эти произведения распространяются на рынке группой ТНК, для которых важен прежде всего коммерческий интерес, что и просматривается в политике.

В России государство практически отстранилось от участия в процессе социализации населения, вследствие чего возник идеологический вакуум. Его стали заполнять, с одной стороны, сложные изотерические учения, а с другой неправительственные организации, сотрудничавшие с европейскими и атлантическими структурами под лозунгом содействия демократизации российского общества. В результате их деятельности по внедрению либерально-демократических ценностей через гранты, семинары, курсы и т. п. происходят изменения в менталитете определенной части общества, окрепла мысль о необходимости следовать курсу европеизации. Наряду с этим более отчетливой становится и склонность к соблюдению восточного вектора союза с Китаем.

Рассматривая особенности в политической и популярной культурах, следует отметить, что фактор популярной культуры имеет большое влияние на личность, способствуя восприятию ею политической культуры. В российском социуме в начале XXI века нарастал эффект постепенного накопления негативизма, эмоциональных оценочных суждений, разворачивалась критика общественных отношений.

Особенности в политической и популярной культурах заключаются, по нашему мнению, в разном использовании их политическими силами. При этом популярная культура способствует формированию политической. Очевидно это выражено в рекламе, политических новостях. Формируя те или иные политические взгляды, рекламу, новости, шоу-бизнес, туризм, бульварные романы, обряды и праздники в виде клише воспроизводятся в политической культуре общества. Это, с одной сто-

роны, дает массам возможность легче воспринимать сложные политические процессы, а с другой отвращает людей от высокопрофессиональной культуры, обедняя их самосознание, кормя их суррогатом культурных ценностей в форме примитивизма.

Литература

1. Афанасенко К.А., Скробачева М.С. Политическая культура России и стран восточной Европы в сравнении западной моделью культур // В сборнике: Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. 2017. С. 17.

2. Гузынин Н.Г., Головкин К.И. Культура диалога и его значение для политической культуры российского общества // В сборнике: Актуальные философские и методологические проблемы современного научного познания Сборник научных статей по материалам 84-й научно-практической конференции преподавателей и студентов СтГАУ. 2019. С. 7-11.

3. Зайцева Н.В., Зайцев А.А. Влияние политической культуры на формирование корпоративной культуры организации // В сборнике: Культура. Наука. Творчество сборник научных статей XII Международной научно-практической конференции. 2018. С. 238-242.

4. Исмаилов Н.И.О., Юсифова С.Ф.К. Политическая культура как составная часть общей культуры // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 61. С. 20-26.

5. Калинин А.А. Приднестровская политическая культура как прообраз политической культуры будущего // Вестник Российской нации. 2017. № 1 (53). С. 196-204.

6. Калинин А.А. Приднестровская политическая культура как прообраз политической культуры будущего // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2017. № 3-4 (62). С. 11-14.

7. Копица В.В. Политическая культура в системе культуры общества // В сборнике: Культура, философия, политика в социальном опыте 20-21 столетия материалы VI Международного Симпозиума молодых ученых. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 2018. С. 63-66.

8. Прибытков Ю.Б. Политическая культура и правовая культура: соотношение в российском политическом дискурсе (особенности и взаимосвязи феноменов) В сборнике: Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 23-26.

9. Саркисян О.Л., Аюбян А.А. О некоторых аспектах соотношения понятий "стратегическая культура", "политическая культура" и "политическая мифология" // В сборнике: одиннадцатая научная конференция материалы 11-ой Годишной научной

конференции, проведенной в Российско-Армянском университете. 2017. С. 176-181.

10. Черняховский С.Ф. Политическая культура, классическая культура и национальный суверенитет // В сборнике: Культура. Наука. Творчество XI Международная научно-практическая конференция: сборник научных статей. 2017. С. 11-17.

11. Ягудин Р.А., Кириллов В.С. Роль смеховой культуры на политическую культуру // В сборнике: Молодежь и наука: реальность и будущее Материалы X Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Редколлегия: Т.Н. Рябченко, Е.И. Бурьянова. 2017. С. 394-396.

The structure and functions of the political culture of the individual

Dolzhenko V.A.

Far Eastern Federal University

Depending on the assessment by numerous authors, the relationship between the concepts of "political culture", "political consciousness" and "political ideology and psychology in scientific literature, the vision of the structure of political culture changes. Political culture is a concept broader than the concept of political consciousness, through the fact that political culture includes political activity, extraconscious archetypes of behavior. Not all components of consciousness are part of political culture, but only those that reflect constant and repetitive patterns.

In our opinion, the professor's interpretation is a fair formulation. Polishchuk, behind whom political culture is a collection of typical, relatively stable knowledge, ideas, attitudes, beliefs, values, orientations, patterns of behavior, symbols, formed as a result of the historical experience of previous generations.

Key words: belief, behavior, values, political culture, aggregate, terms.

References

1. Afanassenko K.A., Skrobacheva M.S. Political culture of Russia and Eastern European countries in comparison with the western model of cultures // In the collection: Scientific and technological progress: actual and promising directions of the future Collection of materials of the VI International scientific and practical conference. 2017.S. 17.
2. Guzynin N.G., Golovko K.I. The culture of dialogue and its significance for the political culture of Russian society // In the collection: Actual philosophical and methodological problems of modern scientific knowledge Collection of scientific articles based on the materials of the 84th scientific-practical conference of teachers and students of SSAU. 2019.S. 7-11.
3. Zaitseva N.V., Zaitsev A.A. The influence of political culture on the formation of corporate culture of the organization // In the collection: Culture. The science. Creativity collection of scientific articles of the XII International Scientific and Practical Conference. 2018.S. 238-242.
4. Ismayilov N.I.O., Yusifova S.F.K. Political culture as an integral part of the general culture // Actual problems of social sciences: sociology, political science, philosophy, history. 2016. No. 61, pp. 20-26.
5. Kalinichenko A.A. Transnistrian political culture as a prototype of the political culture of the future // Bulletin of the Russian nation. 2017. No. 1 (53). S. 196-204.
6. Kalinichenko A.A. Pridnestrovian political culture as a prototype of the political culture of the future // Actual problems of social sciences: sociology, political science, philosophy, history. 2017. No. 3-4 (62). S. 11-14.
7. Kopitsa V.V. Political culture in the system of culture of society // In the collection: Culture, philosophy, politics in the social experience of the 20-21st century, materials of the VI International Symposium of young scientists. Belgorod State National Research University. 2018.S. 63-66.
8. Pribytkov Y.B. Political culture and legal culture: correlation in Russian political discourse (features and interconnections of phenomena) In the collection: Conceptual approaches to improving the Russian legal system Materials of the international scientific-practical conference. 2017.S. 23-26.
9. Sarkisyan O. L., Akopyan A. A. On some aspects of the relationship between the concepts of "strategic culture", "political culture" and "political mythology" // In the collection: the eleventh scientific conference materials of the 11th Annual Scientific Conference held at the Russian-Armenian University. 2017.S. 176-181.
10. Chernyakhovsky S.F. Political culture, classical culture and national sovereignty // In the collection: Culture. The science. Creativity XI International Scientific and Practical Conference: collection of scientific articles. 2017.S. 11-17.
11. Yagudin R.A., Kirillov V.S. The role of laughter culture on political culture // In the collection: Youth and Science: Reality and Future Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. Editorial Board: T.N. Ryabchenko, E.I. Buryanov. 2017.S. 394-396.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Муслиенко Тамара Викторовна

доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, tvn77777@mail.ru

Основным приоритетом России в дальнейшей интеграции в мировое сообщество является построение сервисно-ориентированного государства. Следовательно, реализация сервисного государства предусматривает изменение подхода к управлению в публичной сфере, трансформацию основ отношений между публичными органами и гражданами. Основной целью государства становится служение человеку, а ключевой функцией публичных учреждений – предоставление качественных услуг гражданам. Сервисный подход в публичном управлении, прежде всего, предполагает внедрение методов и технологий управления, направленных на повышение качества публичных услуг.

Сервисный принцип взаимодействия необходимо рассматривать как форму организации деятельности, а в основе понимания сущности сервисной государства лежит изменение роли гражданина в государственном управлении. Истоки осмысления сервисного характера отношений граждан и государства берут свое начало от идеи Аристотеля относительно участия всех граждан в управлении государством как несомненного блага.

Ключевые слова: роль, управленческие процессы, инновационная стратегия, административное внедрение, объект воздействия.

Вектор повышения роли и значения гражданина в государственном управлении из объекта воздействия государства на реального участника управленческих процессов последовательно прослеживается в эволюционировании различных концепций государственного управления: public administration → new public management & policy network → good governance. Парадигма «сервиса» в области государственного управления рассматривается исследователем Е. Карловской как инновационная стратегия, которая связана с перемещением деятельности из сферы административного внедрения в сферу социально-экономической деятельности» [1, с. 185]. Зато, организационно-процедурный характер категории «сервиса» отражает термин «сервисная деятельность», под которым в области экономики Г. Аванесова понимает специфическую активность профессионально подготовленных людей, которые вступают в социальные отношения для реализации общественных, групповых и индивидуальных услуг в рамках рыночных отношений.

В последнее время в отечественных научных исследованиях особую актуальность приобрела дискуссия относительно соотношения понятий «сервисное государство» - «социальное государство», «сервисно-ориентированная государственная политика» и «государственная социальная политика». Отметим, что предприняты попытки объединить различные, а иногда даже взаимоисключающие, за содержательным наполнением значение «сервисной» и «социальной» составляющей государственной политики в искусственно образованном термине «социально-ориентированная сервисная политика государства» [2, с. 124].

В связи с противоречием относительно понимания значимости сферы услуг органов власти в концепциях классического административного управления и нового государственного менеджмента возникает дискуссия относительно определения первичности «сервисного» или «социального» государства. Попробуем разобраться, какое из этих понятий имеет более широкое значение в рассматриваемом терминологическом поле исследования.

Итак, по мнению Карпенко О. В., сервисное государство, в котором формируется и реализуется сервисно-ориентированная государственная политика, это всегда социальное государство, поскольку именно сферой предоставления услуг общество оценивает социальность государственного управления - иными словами предоставление услуг осуществляется в социальных условиях. При этом

отметим, что услуги, имеющие исключительно социальное направление, являются одной из разновидностей сервисов органов власти, которые классифицируются в соответствии со сферой их предоставления. Однако, социальная государственная политика может быть политикой по предоставлению услуг, в том случае, если рассматривать поддержку социальной сферы как обязанность государства (на основе классического патернализма). Поэтому, в контексте традиционной концепции административного менеджмента социальность государства обеспечивается, прежде всего, законными и подзаконными актами, деятельностью органами государственной власти и органами местного самоуправления, а услуги органов власти становятся лишь одной из вспомогательных функций государственного управления, базовыми среди которых выступают такие как: организация, планирование, регулирование, исполнение, координация, контроль и тому подобное. Инновации электронного управления играют лишь роль обслуживающих технологий по реализации их электронного предоставления [3, с. 45].

Сервисная концепция государства вполне согласуется с концепцией государства благосостояния и концепцией постиндустриального общества. Основное содержание и социальное значение сервисного государства связано с процессом предоставления публичных услуг.

Сервисно-ориентированное государство базируется на следующих принципах: принцип клиентских отношений между гражданами и органами власти, принцип конкурентности публичных услуг, принцип независимого оценивания качества публичных услуг, принцип оптимизации технологической цепочки предоставления публичных услуг. Все они нацелены на обеспечение качества предоставления публичных услуг и формирование удобства и своевременности их получения [5, с. 60].

Основными факторами сервисного подхода являются соблюдение соответствующих принципов, базирующихся на использовании концепции электронного правительства, ликвидации или максимальном сокращении бюрократического аппарата, интерактивных методах реализации общественного контроля, транспарентности, единых критериях оценки уровня качества публичных услуг и их доступности, урегулировании конфликтных ситуаций посредством процедуры медиации споров, предотвращении и противодействии коррупции. Данная модель базируется на координации взаимосвязей между группами и государством.

По нашему мнению, сервисно-ориентированное государство выступает согласованной моделью общественных правоотношений, которая имеет целью развивать государственную политику, целенаправленную на удовлетворение общественных потребностей путем предоставления высококачественных услуг, и которая должна согласовываться с долгосрочными целями общественного и государственного развития.

Механизмы сервисно-ориентированного государства – это сложная организационная система взаимодействия, в основе которой функционируют субъекты управления (органы государственной власти), деятельность которых организована в соответствии с определенными принципами и задачами по функциональным направлениям – планирования организации и контроля, и направлена на осуществление целевого воздействия на объекты управления (систему предоставления услуг населению), путем применения методов, рычагов и инструментов воздействия [6, с. 40].

Отмечая роль услуг органов власти в социальном государстве в соответствии с классической теорией административного управления, приведем мнение еще одного ученого. Видела, который считает, что социальное государство только в определенной части может считаться сервисным, при условии, если в его рамках не исчерпываются функции органов власти по предоставлению гражданам и организациям возможностей для реализации своих социальных и других прав.

Несмотря на все достижения указанных целей практика публичного управления столкнулась с такими проблемами, как бюрократизм, коррупция, незаинтересованность чиновничьего аппарата в качественных результатах работы, формализация процессов предоставления публичных услуг.

Преодоление этих проблем возможно в рамках особой модели обществ, для которых характерны недоверие к бюрократии, низкая терпимость к неэффективному публичному управлению, сильная система развитых институтов гражданского общества и др. Указанные характеристики создают основу инновационной системы публичного управления, что усиливается внедрением ИКТ.

Одним из приоритетных направлений модернизации публичного управления в России является совершенствование сферы оказания публичных услуг на основе реализации концепции сервисного государства. Концепция сервисного государства предусматривает изменение подхода к управлению в публичном секторе, трансформацию принципов отношений между публичными органами и гражданами. Главным предназначением государства становится служение человеку, а ключевой функцией публичных учреждений – предоставление качественных услуг гражданам. Сервисный подход в публичном управлении, прежде всего, предполагает внедрение методов и технологий управления, направленных на повышение качества публичных услуг.

Полезным в этой связи представляется рассмотрение опыта зарубежных стран по формированию сервисно-ориентированного государства.

Концепция «сервисного государства» в 1980-1990 годах получила масштабное распространение и практическое внедрение в деятельность государственных органов и органов управления в США и многих странах Западной Европы. По оценкам значительной части отечественных аналитиков – в большинстве из этих стран приняты и успешно действуют различные нормативно-

правовые акты, которыми детально регламентируются процедуры взаимоотношений власти с физическими и юридическими лицами.

В Великобритании, Франции, Бельгии и других западноевропейских странах, которые начали процесс перехода к сервисному государству в конце прошлого века, базовые принципы и приоритеты сервисного управления было закреплено в хартиях – программах модернизации государственно-го управления, направленных на улучшение качества публичных услуг. Главными задачами реформирования системы публичных услуг, в частности, были определены: повышение эффективности публичных услуг и снижение расходов на их оказание; обеспечение предоставления гражданам услуг надлежащего качества; уменьшение сроков на подготовку ответов на запросы граждан; проведение внешних аудитов для обеспечения создания системы, направленной на постоянное совершенствование; акцентирование на достижении результатов, а не на их планировании; более четкое определение рабочих процессов; улучшение качества информирования граждан при оказании им публичных услуг; открытость и прозрачность деятельности государственных учреждений; либерализация разрешительных институтов; внедрение «электронного правительства» [9, с. 89].

В частности в Бельгии основой сервисного управления является внедрение «электронного правительства» (в 2016 году Бельгия заняла 19 место в мировом рейтинге и отмечена как страна с очень высоким уровнем развития электронного управления), выпуск электронных идентификационных карт, содержащих личный вид владельца и информацию о нем, которая хранится в микрочипе.

В 1993 году Португалией была принята «Хартия качества государственных услуг», действие которой распространялась на все услуги центрального правительства и муниципальных органов власти. Основные принципы, задекларированные этим документом, заключались в подотчетности уполномоченных к оказанию услуг лиц, прозрачности процедур их предоставления, доступа граждан к участию в конкурсах и др. [10, с. 80].

В странах Северной Америки и Европейского Союза понятие «публичные услуги», как уже указывалось выше, также являются недостаточно систематизированными и употребляются для обозначения широкого спектра взаимодействия власти с населением. Для примера, в США модель деятельности федеральных государственных органов по функциональным признакам сконцентрирована на четырех сферах, а именно: услуги для граждан; способы предоставления услуг; поддержка процесса оказания услуг; управление государственными ресурсами. При этом «услуги для граждан» охватывают 19 направлений деятельности, каждый из которых делится еще и на определенные субнаправления. [11, с. 495].

Для лучшего понимания опыта Канады в сфере предоставления административных услуг необходимо принять во внимание, что Канада как феде-

ральная страна имеет три четко обособленные уровни власти: федеральный, провинциальный, муниципальный. В Канаде не используется термин «административные услуги», но его ближайшим аналогом является понятие «публичные услуги». Их разделяют на "внутренние" (Правительство для правительства) и "внешние" (для граждан, бизнеса). Сейчас общими направлениями политики Канады в сфере услуг являются: интеграция отдельных баз данных (при этом доступ к персональным данным клиентов является защищенным законом и детально регламентируется); интеграция каналов доступа к услугам (совместный офис по предоставлению услуг; веб-сайт; один справочный / контактный номер телефона); упрощение процедур (уменьшение разнообразия в формах заявлений); проактивная роль администрации (то есть если лицо, получая одну услугу, имеет право на другие услуги, то орган власти информирует его об этом праве или же сам выполняет активные действия для оказания следующих услуг). В Канаде сейчас внимание уделяется пяти каналам обращения за услугами: телефон; «физические офисы» (личное посещение); киоски (автономные центры интерактивного обслуживания); Интернет; мобильная связь. Кроме этого, в Канаде практикуется внедрение мобильных (выездных) офисов.

Итак, в Канаде основой сервисного управления является внедрение «электронного правительства», действует электронный веб-ресурс (портал) по предоставлению административных услуг, который обеспечивает защиту частной информации и персональных данных потребителей, а также содержит подробную инструкцию по эксплуатации Портала и его информационной политики.

В Австрии существует и действует Общий закон об административной процедуре, в Эстонии – ряд законов об административной процедуре, в Польше – Кодекс административного производства, согласно которым потребности населения в услугах удовлетворяются или путем предоставления соответствующих услуг самими органами власти, или заключением соглашений об их предоставлении частными подрядчиками [12, с. 90].

В большинстве новых стран-членов ЕС (Латвия, Чехия, Венгрия) являются принятыми и действуют законы «О местных органах власти», в соответствии с положениями которых органы местного самоуправления вправе самостоятельно решать вопросы и нужды местного значения, а также путем организации и финансирования процессов и процедур предоставления муниципальных услуг.

Так, Законом Латвии «О местных органах власти» в качестве одной из главных функций предусмотрено предоставление качественных муниципальных услуг населению, а законодательство большинства стран ЕС разграничивает муниципальные услуги по критериям: обязательные – не-обязательные. При этом органы самоуправления наделены правом решать вопросы предоставления и финансирования услуг, которые не предусмотрены законом. Так, в Польше муниципалитеты удовлетворяют потребности местного населения

через предоставление отдельных услуг на местном уровне (транспортное обслуживание, вывоз мусора и т. п.) или заключают соглашения о предоставлении этих услуг с частными подрядчиками. Программа развития информационного общества в Польше была принята еще в 2001 г., а в 2004 г. правительством была введена новая стратегия, которая лежит в основе сервисного управления. Фундаментальными целями стратегии определены: обеспечение доступа к Интернету для всех граждан и бизнес-организаций, основными критериями которого являются скорость, безопасность и низкая цена; развитие услуг в электронном виде; повышение компьютерной грамотности.

Россия декларирует себя как социально-ответственное, по сути «сервисное» государство, политика предоставления услуг в котором направлена на создание условий для обеспечения достойного уровня жизни и свободного развития любого человека. Предполагается тем самым, что государство несет ответственность за осуществление всех необходимых мер по их предоставлению, следовательно, можно считать, что любое взаимодействие власти с личностью в режиме «служение» может быть отнесено к услугам, предоставляемым любым структурным элементом государства на всех уровнях управления и во всех сферах жизнедеятельности российского общества.

В течение последних десяти лет, культура коммуникации граждан с чиновниками в России начала интенсивно развиваться и постепенно выходить на новый уровень качества. В частности, это касается сферы предоставления административных услуг.

А уже в 2016 году, после принятия Федерального Закона «Об административных услугах», создание интегрированных офисов – многофункциональных центров (МФЦ) – стало обязательным для крупных городов и районов. В России запущен и первый «МФЦ на колесах». Он представляет собой специальное авто полностью оборудованное местами для администраторов и посетителей. Такой МФЦ будет предоставлять услуги непосредственно в отдаленных селах на основе межмуниципального сотрудничества.

Таким образом, в России основой сервисного управления является информатизация внутренних процессов органов государственной власти, а также развитие сервисно-ориентированного государства с помощью электронного управления.

Литература

1. Абдуллаева А.Б. Официальная политика Азербайджана в отношении этнических меньшинств: международные договоры // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 3 (34). С. 180-187.

2. Агафонова М.А., Марков С.Н. Характер международных экономических отношений и государственная долговая политика РФ: взаимозависимость и взаимообусловленность // В сборнике: потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации материалы международной

научно-практической конференции студентов и аспирантов. Финансовый университет при Правительстве РФ, Омский филиал. 2016. С. 123-127.

3. Богдан Н.И. Оценка эффективности инновационной политики Беларуси на основе международных индикаторов инноваций // В сборнике: Проблемы и механизмы оценки эффективности системы государственного и муниципального управления: теория и практика сборник тезисов докладов и статей международной научно-практической конференции российских и зарубежных университетов и РЭУ им. Г.В. Плеханова при участии представителей государственных и муниципальных органов власти. ответственный редактор: Р.А. Абрамов. 2016. С. 44-47.

4. Вербицкая Т.В. Определение международного терроризма в качестве агрессии как направление внешней политики Российской Федерации // Вестник развития науки и образования. 2016. № 2. С. 12-17.

5. Вода К.Р. Содействие международному развитию и интересы безопасности в политике Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 54-62.

6. Жданова Е.В. Анализ некоторых реформ международной наркополитики и неизменности курса российской антинаркотической политики // Административное право и процесс. 2016. № 9. С. 39-42.

7. Манакин С.Л. Современные тенденции международной политики кредитования и проблемы их реализации в непризнанных республиках // В сборнике: Экономика, управление и право: инновационное решение проблем сборник статей V Международной научно-практической конференции. под общей редакцией Г.Ю. Гуляева. 2016. С. 66-71.

8. Махотина Н.В. Международная политика в области ограничения доступа к информации в зарубежных библиотеках // В сборнике: Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития научно-практический и теоретический сборник. Национальная библиотека им. В.И. Вернадского. Москва, 2016. С. 91-96.

9. Миронов В.В. Британский комитет по изучению внешней политики и английская школа международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 88-93.

10. Пиханова З.Л. Роль и участие международной организации франкофонии в мировой политике // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 26. С. 79-82.

11. Репецкая О.И. Влияние политики государства процесс соблюдения норм международного права // Молодой ученый. 2016. № 3 (30). С. 494-499.

12. Султангариев Т., Гаранина И.Г. Проблемы имплементации международных стандартов репродуктивных прав человека в социальной политике государства // В книге: Адвокатура как институт гражданского общества: тенденции развития и перспективы сборник статей по материалам II

Международной научно-практической конференции. под ред. Н.В. Иванцовой, Н.М. Швецова. 2016. С. 87-99.

Theoretical foundations and ensuring the political activity of the state

Musienko T.V.

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The main priority of Russia in further integration into the world community is to build a service-oriented state. Consequently, the implementation of the service state provides for a change in the approach to governance in the public sphere, the transformation of the foundations of relations between public authorities and citizens. The main goal of the state is to serve the person, and the key function of public institutions is to provide quality services to citizens. The service approach in public administration, first of all, involves the introduction of methods and technologies of management aimed at improving the quality of public services.

The service principle of interaction must be considered as a form of organization of activities, and the basis for understanding the essence of the service state is the change in the role of the citizen in public administration. The origins of understanding the service nature of relations between citizens and the state originate from Aristotle's idea of the participation of all citizens in government as an undoubted benefit.

Key words: role, management processes, innovation strategy, administrative implementation, object of influence.

References

1. Abdullaeva A.B. The official policy of Azerbaijan towards ethnic minorities: international agreements // Issues of national and federal relations. 2016. No. 3 (34). S. 180-187.
2. Agafonova M.A., Markov S.N. The nature of international economic relations and the state debt policy of the Russian Federation: interdependence and interdependence // In the collection: the potential of the Russian economy and innovative ways of its implementation, materials of the international scientific and practical conference of students and graduate students. Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk branch. 2016.S. 123-127.

3. Bogdan N.I. Assessment of the effectiveness of the innovation policy of Belarus on the basis of international indicators of innovation // In the collection: Problems and mechanisms for assessing the effectiveness of the system of state and municipal management: theory and practice, a collection of abstracts and articles of the international scientific-practical conference of Russian and foreign universities and PRUE. G.V. Plekhanov with the participation of representatives of state and municipal authorities. executive editor: R.A. Abramov. 2016.S. 44-47.
4. Verbitskaya T.V. Definition of international terrorism as aggression as a direction of the foreign policy of the Russian Federation // Bulletin of the development of science and education. 2016. No. 2. S. 12-17.
5. Water K.R. Promotion of international development and security interests in Japanese policy // Problems of the Far East. 2016. No. 4. S. 54-62.
6. Zhdanova E.V. Analysis of some reforms in international drug policy and the invariability of the course of Russian anti-drug policy // Administrative law and process. 2016. No. 9. S. 39-42.
7. Manakin S.L. Modern trends in international lending policy and problems of their implementation in the unrecognized republics // In the collection: Economics, management and law: an innovative solution to problems collection of articles of the V International scientific and practical conference. edited by G.Yu. Gulyaeva. 2016.S. 66-71.
8. Makhotina N.V. International policy in the field of restricting access to information in foreign libraries // In the collection: Libraries of National Academies of Sciences: problems of functioning, development trends scientific, practical and theoretical collection. National Library. IN AND. Vernadsky. Moscow, 2016.S. 91-96.
9. Mironov V.V. British Foreign Policy Research Committee and the English School of International Relations // Bulletin of Tomsk State University. 2016. No. 411. S. 88-93.
10. Pikhanova ZL The role and participation of the international organization of Francophonie in world politics // Culture. Spirituality. Society. 2016. No. 26. S. 79-82.
11. Repetskaya OI The influence of state policy on the process of compliance with international law // Molodiy Vcheniy. 2016. No. 3 (30). S. 494-499.
12. Sultangariev T., Garanina I.G. Problems of implementation of international standards of reproductive human rights in the social policy of the state // In the book: Advocacy as an institution of civil society: development trends and prospects, a collection of articles based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference. ed. N.V. Ivantsova, N.M. Shvetsova. 2016.S. 87-99.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Петухова Надежда Викторовна,
ст. преподаватель, Дагестанский государственный университет

Успех региональной политики во многом обусловлен ее концептуальной основой, которая определяет ее цели, задачи и механизмы реализации. Как мы могли убедиться, региональная политика ЕС возникла и развивалась в контексте развития европейской интеграции. Ее концептуальные основы формировались под воздействием целого ряда факторов внутренних и внешних, объективных и субъективных. В контексте данной нами периодизации она прошла четыре этапа в своем развитии, каждый из которых вносил свои коррективы в формирование концепции региональной политики, адаптируя ее каждый раз к новым реалиям и новым вызовам, с которыми сталкивался процесс интеграции на пути создания единого европейского дома.

Разработка концептуальных основ региональной политики ЕС всегда должна была исходить из множественности ее парадигм. Это особенно стало актуальным в связи с увеличением количества актеров, участвующих в ее разработке и реализации.

Ключевые слова: региональная политика, концептуальные основы, процесс, пути создания, факторы.

Политики сплочения в XXI в. сделали научные центры. Это Центр изучения европейской политики в Глазго, Нидерландский экономический центр В Роттердаме, который исследует экономическую составляющую региональной политики и Центр региональных исследований в Берлине. Рекомендации экспертов и исследователей этих центров широко использовались руководящими структурами ЕС в лице Еврокомиссии и Генерального директората по региональной политике, которые играют ведущую роль как в разработке стратегии Политики сплочения, так и ее реализации. Особо необходимо отметить увеличение роли регионов. Благодаря региональной политике, реализуемой ЕС, в основе которой лежит концепт «Европа регионов», они сегодня успешно отрицают монополию государства как поставщика благосостояния на своей территории [1, с. 100], строя диалог напрямую с ЕС, о чем свидетельствует наличие в Брюсселе более чем 130 представительств регионов.

Определяя сущность современной региональной Политики сплочения можно согласиться с ее последующей трактовкой, что «региональная политика ЕС теперь представляет собой политику, которая определяет и ориентируется на возможности будущего, мобилизует свой потенциал, который недостаточно используется, а не платит компенсации за проблемы прошлого». Она имеет три основных направления. Первый предполагает акцентирование влияния на экономическом сближении, оказании помощи наименее развитым регионам. Второй предусматривает широкий набор мер, направленных на повышение региональной конкурентоспособности и создании новых рабочих мест. Третий направлен на налаживание сотрудничества между регионами и странами для уменьшения важности национальных границ в развитии экономики. Базовой целью региональной политики ЕС является усиление социальной и экономической единства с помощью уменьшения различий [2, с. 155].

Эффективность региональной политики во многом зависит от того насколько ее концепты адекватны тем вызовам, с которыми она сталкивается и которые ей необходимо преодолеть, а также от определения приоритетов этих вызовов. Формирование современной концепции проходило, как об этом было сказано выше, в условиях масштабного системного кризиса ЕС, в контексте которого особую значимость получила неоднородность Евросоюза, что резко усиливалась и проявлялась уже в трех измерениях роста диспропорций в уровнях социально-экономического развития. Так, если в

1986 г. из 12 стран ЕС только 2 имели ВВП на душу населения, что отклонялось более чем на 25% выше или ниже от среднего показателя в ЕС, то сегодня 14 из 28. Во-вторых, это проявлялось в степени интегрированности, связанной с зоной евро и странами, которые находятся за ее пределами. И, в-третьих, это проявлялось в соотношении маленьких и больших стран. Так, в 1986 г. последних насчитывалось 7, а сегодня их количество увеличилось до 22. По оценкам экспертов, это приводит к повышению степени неоднородности и противоречий, связанных с асимметрией социально-экономического развития. Она проявляется и в политической сфере, повышение количества маленьких стран не означало пропорционального роста их влияния на политику ЕС [3].

Другим вызовом оставалась проблема повышения конкурентоспособности ЕС на мировом уровне глобальной экономики. Третьим вызовом был рост евроскептицизма, сепаратизма.

Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что на процессы формирования новой концепции Политики сплочения решающее влияние имели результаты дискуссии, которая развернулась в европейской регионалистике в конце 1990х гг. В ее центре стояли такие вопросы как идеи конкуренции городов и территорий, регионализация проблемы территориального планирования, финансирования, оценка ее эффективности [4].

В начале XXI в. эти дискуссии перешли в политическую плоскость, связанную с подходами к реализации региональной политики ЕС и ее эффективности. Толчком послужила «новая стратегия» Европейского инвестиционного банка 2000 г., в которой был определен новый подход к формированию концепции финансовой солидарности «Инициатива-2000» / EIB Information 2-2000 / №1051». Принятие этой новой стратегии привело к тому, что уже к 2010 г. кредиты отсталым регионам составляли только одну четверть, в то время как на начало 2000-х гг. на них выделялась половина всех кредитов, которые предоставлялись.

Ряд рекомендаций, которые были высказаны в ходе дискуссии, нашли отражение в концепции развития Политики сплочения в период 2000-2007 гг. В то же время уже в ходе ее реализации в этот период эксперты заговорили о ее неэффективности, а все страны заявили о том, что стратегия EUB «Инновационная инициатива 2020» не соответствует приоритетам и амбициозным задачам европейской интеграции. В этих условиях Еврокомиссия заслушала в 2006 г. подготовленный экспертами доклад, в котором было предоставлено глубокий анализ Политики сплочения и сформулированы проблемы, с которыми она столкнулась [5].

Группа высокого уровня работала под руководством Андре Саниро и Вима Кока и подготовила два доклада. Андре Саниро выдвинул идею ренационализации региональной политики, сущность которой сводилась к тому, что средства должны направляться только к странам догоняющего типа развития, а отстающим регионам развитых

стран средства должны были выделяться из национальных бюджетов.

Этот подход при его реализации практически уничтожал всю систему перераспределения бюджетных средств, который к этому времени сложился, при котором все 27 стран ЕС являются получателями средств структурных фондов. Эти предложения были отвергнуты. Европейская комиссия приняла предложения, сформированные группой Кока. Сущность их сводилась к радикальным реформам концепции финансовой солидарности о включении в концепцию актуальных задач. Для реализации рекомендаций группы Кока была создана экспертная группа под руководством Д. Барка, занимавшего должность генерального директора министерства экономики и финансов Италии. Работа по разработке принципиальных основ новой региональной политики заняла несколько лет и закончилась только в 2009 г., когда было опубликовано Положение реформы региональной политики (An Agenda for a Performed Cohesion Policy). Этот документ в определенной мере отражал и те вызовы, которые уже проявились как следствие кризиса 2008 года.

Принципиальное значение имел вывод доклада о том, что региональная политика должна не только быть направленной на уменьшение неравенства в развитии региона, но и стремиться через нее наладить партнерство между ЕС, странами-членами, местными властями и частным сектором в интересах всего общества. Именно с этой целью ЕС внедряет систему трехсторонней договоренности между ЕС, странами-членами и региональными властями и сил в этих трех административных уровнях национальной региональной политики. Был сделан вывод о необходимости пересмотра региональной политики в контексте решения проблемы диспропорции в развитии, которая продолжает увеличиваться. Особое место в дискуссии занимала проблема распределения финансовых ресурсов в связи с тем, что с 2004 г. новым членам ЕС оказали помощь в размере 10% общего бюджета ЕС, с чем не были согласны некоторые страны как доноры, так и получатели.

Ход дискуссии показал значительные различия в подходах при формировании региональной политики, определении ее целей и задач и главное принципов финансирования. Необходимо было глубоко осмыслить и оценить региональную политику, поскольку ее модель отвечает новым условиям, в которых оказался Европейский Союз. С этой целью была создана группа высокого уровня, которая должна была дать ответ на вопрос в каком направлении должно проходить реформирование региональной политики ЕС [6, с. 125].

В 2012 г. был подготовлен и опубликован конечный доклад Барка, который предлагал сделать акцент на демографии, экологии, инновациях и развитии низко углеродной экономики. На основе доклада Барка была достигнута договоренность внести изменения в формулировки основной цели Политики сплочения. Ими стали снятие угроз регионального развития, вызванных глобализацией,

дефицитом собственных энергоресурсов, неблагоприятной демографической ситуацией и климатическими изменениями. Доминирующим фактором, повлиявшим на формирование концептуальных основ новой региональной политики, стал глубокий анализ результатов выполнения семилетнего плана Политики сплочения на 2007-2013 годы. Еврокомиссия с привлечением экспертов подготовила несколько докладов по отдельным ее направлениям. Так были проанализированы результаты развития малой интеграции, трансграничного сотрудничества [269], результаты деятельности специальных экспертных объединений JASPER (Joint Assistance to Support Projects in the European Regions) – совместное содействие проектам в европейских регионах [317], JESSICA (Joint European Support for Sustainable Investment in City Areas) – совместная поддержка программ помощи городам, ELENA (European Local Energy Assistance) – поддержка программ энергосбережения.

В 2014 г. Генеральный директорат совместно с Комитетом регионов с привлечением экспертов подготовили детальный анализ результатов реализации региональной политики в 2007-2013 гг. в целом. На основе анализа были выявлены негативные тенденции. Так, ряд принципов, концептуальных основ, сформулированных и достаточно успешно реализованных с 1988 г. (принципы партнерства власти на всех уровнях ЕС, программирование, дополнительность), практически не были задействованы. Получателями Фонда сплочения фактически стали государства. При разработке программ, где должен был действовать принцип совместного финансирования (дополнительность), регионы вели переговоры не с Еврокомиссией, за центральным правительством своих государств [7]. Хотя при этом инициатива в разработке программ и функция финансового контроля полностью перешла от Еврокомиссии к государствам-членам. Но, по мнению экспертов, это не столько расширяло права, сколько обязанности конкретных получателей. Поэтому в этот период они оценивают ее как политику перераспределения.

Анализ результатов реализации Стратегии развития Политики сплочения за 2007-2013 гг. вместе с выводами доклада Барка стали фактически основой для модернизации региональной политики в новых условиях. Главным оставался вопрос повышения эффективности региональной политики, выбор модели, в рамках которой она могла наиболее адекватно реагировать на вызовы в условиях роста кризисных явлений. По оценкам экспертов реализована модель региональной политики 2007-2013 гг. имела «благоприятный характер и была по своей сути режиссерской». В условиях глубокого экономического кризиса реализация подобной модели практически невозможна в контексте ее эффективности. В то же время Брюссель считал, что именно Политика сплочения рассматривалась как важнейший инструмент преодоления кризисных явлений. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что впервые в истории ЕС уменьшив

размер общего бюджета Сообщества на новый семилетний срок 2014-2020 гг. финансирование Политики сплочения не уменьшилось и составило 351,8 млрд евро, 25% общего бюджета ЕС.

Такую роль Политике сплочения отводила и новая Стратегия развития ЕС «Европа-2020», принятая в 2010 г., где Политика сплочения определена как один из инструментов, на уровне сообщества, для имплементации стратегии, целью которой был рост экономики и рабочих мест. Но эта цель должна была реализовываться не только через ту финансовую поддержку, которая происходит в рамках реализации наднациональной региональной политики, но и через формирование аналогичных стратегий на местном и региональном уровне. Принятие таких стратегий усилит интегральные части решения задач роста экономики и повышение занятости населения [8].

Формирование концептуальных основ Политики сплочения на новый период ее развития, обозначенный новым семилетним планом на 2014-2020 гг. как свидетельствует анализ документов проходивших в условиях дискуссий, широкого обсуждения, открытых дебатов и общественных консультаций практически по большинству положений, которые определяли концепцию Политики сплочения на новый период. Примером может служить дискуссия относительно параметров партнерских контрактов, которые согласно новому подходу должны стать элементом наднациональной региональной политики ЕС. Обсуждение этого положения проходило с декабря 2013 г. до марта 2014 г.

Современная концепция отражена в плане развития региональной политики «Стратегия плана развития Политики сплочения на 2014-2020 гг.». В то же время анализ концептуальных основ Политики сплочения предполагает рассмотрение этого документа в совокупности с целым рядом основополагающих документов, в которых отражены перспективы развития Евросоюза в целом, или определяет характер, направления его деятельности в конкретной сфере, которая прямо или косвенно влияет на региональную политику, придавая ей новые функции или новые параметры. В нашем случае это Стратегия развития Евросоюза «Европа-2020», принятая в 2010 г., региональная программа исследований и инноваций на 2014-2020 гг. «Горизонт-2020», а также программа Европейская перспектива пространственного развития (ESDP), учитывая документ с названием «Основополагающие принципы европейского пространственного развития». Так, программа «Горизонт» конкретизирует направления и средства реализации фундаментальной основы стратегии Европа-2020 – инновационное развитие. Программа ЕПБО раскрывает принципы, направления и формы формирования пространственных структур, что является важным направлением региональной политики ЕС.

В ходе реализации Стратегии развития Политики сплочения в 2014-2020 гг. был принят еще ряд документов, которые вносили коррективы в ее концептуальные основы, в деятельность механиз-

мов и принципов руководства. Среди них особо следует выделить Афинскую декларацию, принятую в 2014 г., «Хартия многоуровневого самоуправления». Конкретизацию и уточнение ряда положений содержит в себе Доклад по европейской региональной политике, рассмотрена Европарламентом в 2017 г. Отдельно доклад включал детальные разъяснения принципа макроэкономической обусловленности, включение которого концептуальных основ Стратегии развития Политики сплочения в период 2014-2020 гг. вызвало неоднозначную реакцию. Так, Комитет регионов в 2014 г. выражая интересы регионов категорически выступал против его включения в том виде как он был сформулирован.

Анализ вышеуказанных документов свидетельствует о том, что соблюдая преемственности с концептуальными основами развития Политики сплочения в 2007-2013 гг., ее вариант 2014-2017 гг. во многом носил новаторский характер и сохранил ряд принципиальных положений, которые ранее не были характерными для стратегии ее развития. Так, в ней нашла отражение одна из принципиальных требований, вытекающих из Доклада Барка – предоставить Политике сплочения стратегического характера в контексте реализации стратегии «Европа2020». Реализация ее целей и задач должна составлять сущность региональной политики всех уровней. Стратегический характер предусматривал также формирование аналогичных стратегий на местном и региональном уровне. Принятие таких стратегий усилит интегральные части решения задач роста экономики и повышение занятости населения. Достичь этого можно только за широкого участия в планировании и реализации проектов правительств всех уровней. Выработка мер по решению этой задачи определил мартовский саммит 2014 г., принявший Афинскую декларацию, которая четко определила ориентиры и параметры региональной политики до 2020 г, а также актуализировала наиболее важные темы, связанные с повышением эффективности региональной политики. Документ содержит семь положений, которые по своей сути являются задачами, требующими выполнения всеми актерами Политики сплочения. Среди них определялась необходимость предоставить Стратегии территориального измерения, учитывать специфику регионов, совершенствовать систему управления, при которой местные органы власти были бы равноправными партнерами. Особо подчеркивалась важность гармонизации Политики сплочения ЕС с национальными политиками, обмен опытом ее реализации на региональном уровне. Декларация также была нацелена на мобилизацию всех финансовых ресурсов в рамках Политики сплочения всех уровней. С этой целью Еврокомиссия должна была опубликовать Зеленую книгу, посвященную анализу распределения финансов [9, с. 50].

Принятие данной декларации стало важным шагом как в процессе дальнейшего развития концептуальных основ Политики сплочения, так и на пути ее реализации. На наш взгляд она также ак-

туализировала проблему взаимной равной ответственности за ее реализацию как со стороны национальных и наднациональных, так и со стороны региональных и местных органов власти. На что было нацелено и решение о необходимости подписания Партнерских соглашений, которые впервые вводились как обязательные условия проведения Политики сплочения. Введение этого положения к концепции Политики сплочения произошло в контексте рекомендаций Барка, где четко отмечалось, что региональная политика не только направлена на уменьшение неравенства в развитии регионов, но он стремится через нее наладить партнерство между ЕС, странами-членами, местными властями и частным сектором в интересах всего общества. Именно с этой целью ЕС вводит систему трехсторонних договоренностей между ЕС, странами-членами и региональными властями с целью определения ролей и сил этих трех административных уровней региональной политики.

Важнее формой этих договоренностей и стали партнерские контракты теперь подписываются между Еврокомиссией и государствами-членами, в которых определены обязанности сторон в отношении конкретных действиях, направленных на реализацию целей Европа-2020. Все партнерские контракты для каждого государства-члена должны быть выражены в общих стратегических рамках Европа-2020, конкретно в стратегии разработанной для каждого конкретного государства на ее основе. При этом комиссия оставляет за собой право при определенных условиях пересмотреть договор о партнерстве в рамках региональной политики для поддержки реализации рекомендаций совета ЕС. Контракты должны были показывать конкретно какой вклад будет сделан в реализацию задач и целей, вытекающих из стратегии Европа-2020. На основе контрактов должны уже были состоять и операционные программы, которые также утверждались Еврокомиссией. Введение контрактов способствовало повышению взаимной ответственности, стало базовым инструментом в ее реализации.

Важнейшим условием подписания контрактов и утверждении операционных программ были крайне жесткие требования Брюсселя до их соответствия Стратегии Европа-2020, а также других программных документов ЕС. Такие требования выдвигались перед стратегиями национальных региональных политик. Как никогда ранее Еврокомиссия и Директорат по региональной политике требовали жесткой синхронизации политик на национальном и региональном уровне с политикой, проводимой в ЕС. Более того стратегия региональной политики 2014-2020 гг. включала требования Еврокомиссии, что вытекали из целей Стратегии Европа-2020, которые обязывали наиболее отстающие регионы тратить не менее 60% всех средств на программы и проекты, направленные на достижение целей Европа-2020. Это инновационные технологии, исследования и технические разработки, развитие предпринимательства и вклад в человеческий потенциал, развитие чело-

веческих ресурсов. Все остальные области должны тратить на эти цели менее 75%, чтобы получить инвестиции это стало новацией. Государства должны были продемонстрировать еще перед получением средств от структурных фондов свою способность достигать поставленных целей, а также учитывалась эффективность реализации предыдущих программ или проектов.

Принципиально новым стало стремление руководства ЕС формировать партнерские отношения на основе правовых норм, но и внести в характер взаимоотношений акторов региональной политики нормы морали и нравственности. Как в свое время президент США Ф. Рузвельт, в период вывода страны из кризиса 1929-1932 г., ввел понятие «кодекс чести» в отношении бизнеса. Так Европейский Парламент одобрил в феврале 2014 г., накануне утверждения Соглашений о Партнерстве, Европейский этический кодекс в сфере партнерства. Эту инициативу одобрил Комитет регионов, считая, что он устанавливает четкие границы для сотрудничества всех партнеров, участвующих в планировании и управлении средствами из структурных и инвестиционных фондов ЕС.

Введение системы контрактов принципиально меняло один из принципов региональной политики ЕС – принцип партнерства, наполняло его новым содержанием, о чем говорилось выше, расширяло его количественные характеристики. В контексте новой концепции он включал не только органы власти всех уровней, но и структуры, которые представляли гражданское общество. Особый акцент делался на характере такого партнерства на региональном и локальном уровнях [10, с. 150].

Новая трактовка этого принципа было направлено на повышение роли регионов как равноправных партнеров как в процессе формирования Политики сплочения, так и ее реализации. Это в новой концепции рассматривалось как важнейшее условие ее успеха. Придерживаясь в целом преемственности относительно принципов, на которых базировались концептуальные основы Политики сплочения на предыдущих этапах, в новой концепции ее развития некоторые из них были уточнены. Вместе с принципом партнерства дальнейшее развитие получил фундаментальный принцип региональной политики – принцип субсидиарности. Так, принятая в этот период Хартия многоуровневого самоуправления была направлена на дальнейшее углубление и расширение сферы деятельности принципа субсидиарности. Хартия предусматривала использование многоуровневого управления в качестве базового принципа в процессе принятия управленческих решений в странах ЕС. Было расширено содержание принципа дополняемости, который стал выдающимся при финансировании проектов и программ. Большинство из них должна была реализовываться на основе совместного финансирования из фондов всех уровней: наднациональных, национальных, региональных. Скорректирован был и принцип пропорциональности в контексте сокращения бюрократических процедур и форм контроля за реализацией

малых проектов. Принципиально новым стало включение в концептуальные основы Политики сплочения макроэкономической обусловленности. Сущность ее заключалась в том, что Брюссель получал право замораживать выделение средств из европейских структурных фондов, в том числе тех, которые финансировали региональную политику, ее программы и проекты в регионах тех стран, где национальные не принимали меры в рамках обязательств по консолидации бюджета, то есть не выполняли условия Бюджетного пакта. Как уже отмечалось, включение этого принципа вызвало неоднозначную реакцию со стороны акторов Политики сплочения.

Таким образом, концептуальные основы развития Политики сплочения в 2014-2020 гг. базировались на ряде новых подходов в трактовке ее принципов и ее характере. Это в свою очередь обусловило и корректировка ее целей, что было вполне закономерно, учитывая, что политика сплочения должна была реализовываться в условиях кризиса.

Литература

1. Буянов Р.А. Государственная политика в области оказания экстренной помощи при чрезвычайных ситуациях (случаи западных стран и России) // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 4 (118). С. 94-103.
2. Дахин А.В. Политическая регионалистика в России: на пути к устойчивой научной полноте // Политическая наука. 2016. № 2. С. 132-163.
3. Зеленцова С.Ю., Козинцев А.Я., Хадасевич Н.Р., Шкаревский Д.Н., Ширинкина Е.В. Политико-экономическое развитие регионов // Сургут, 2018.
4. Каледин Н.В., Зиновьев А.С., Михеева Н.М., Елацков А.Б., Лачининский С.С., Ступин Ю.А., Попов Ф.А., Аксенов К.Э. География мира в 3 т. Том 1. Политическая география и геополитика // Учебник и практикум / Москва, 2019. Сер. 76 Высшее образование (1-е изд.)
5. Каледин Н.В., Межевич Н.М., Хрущев С.А., Зиновьев А.С., Морачевская К.А., Михеева Н.М., Елацков А.Б., Лачининский С.С., Ступин Ю.А., Попов Ф.А., Аксенов К.Э. География мира в 3 т. Том 1. Политическая география и геополитика // Учебник и практикум / Москва, 2019. Сер. 76 Высшее образование (2-е изд., пер. и доп)
6. Каримов Р.Р. Российская гражданская идентичность и институт глобализации: движение вместе или врозь? // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 2 (116). С. 123-132.
7. Кошкин А.П., Черданцев В.В., Горин Д.Г., Евсеев В.О., Нечаев Д.Н., Бучкова А.И., Глазунов О.Н., Денисенкова Н.Н., Каверина Н.А., Ковригин В.В., Перенджиев А.Н., Прокопенко Е.Е., Тихомиров Д.А., Хаустова Н.А. Политология // МОСКВА, 2019.
8. Мухаметов Р.С. Политическая регионалистика // учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по программе бакалавриата по направлению подготовки 41.03.04 «Политология»: Электронный ресурс / Уральский федеральный

университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016.

9. Простарнакова Е.Е., Желтов В.В. Особенности развития регионалистики в России // Школа Науки. 2018. № 11 (11). С. 51-52.

10. Шашкова Я.Ю. Тенденции политического развития алтайского края в постсоветский период. // В сборнике: Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина Сборник научных статей Всероссийской научной конференции. Под редакцией В.А. Скубневского, Д.С. Боброва. 2019. С. 149-152.

Conceptual foundations of the modern regional policy of the European Union

Petukhova N.V.

Dagestan State University

The success of regional policy is largely due to its conceptual framework, which determines its goals, objectives and implementation mechanisms. As we could see, the EU regional policy emerged and developed in the context of the development of European integration. Its conceptual foundations were formed under the influence of a number of factors, internal and external, objective and subjective. In the context of our periodization, it went through four stages in its development, each of which made its own adjustments to the formation of the concept of regional policy, adapting it each time to new realities and new challenges that the integration process faced on the way to creating a single European home.

The development of the conceptual foundations of the EU regional policy has always had to proceed from the multiplicity of its paradigms. This has become especially relevant due to the increase in the number of actors involved in its development and implementation.

Key words: regional policy, conceptual foundations, process, ways of creation, factors.

References

1. Buyanov R.A. State policy in the field of emergency assistance in emergency situations (cases of Western countries and Russia) // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2018. No. 4 (118). S. 94-103.
2. Dakhin A.V. Political regionalism in Russia: on the way to sustainable scientific completeness // *Political Science*. 2016. No. 2. S. 132-163.
3. Zelentsova S.Yu., Kodintsev A.Ya., Khadasevich N.R., Shkarevsky D.N., Shirinkina E.V. Political and economic development of regions // Surgut, 2018.
4. Kaledin N.V., Zinoviev A.S., Mikheeva N.M., Elatskov A.B., Lachininsky S.S., Stupin Yu.A., Popov F.A., Aksenov K.E. *World Geography in 3 Volumes. Volume 1. Political Geography and Geopolitics* // Textbook and Workshop / Moscow, 2019. Ser. 76 Higher Education (1st ed.)
5. Kaledin N.V., Mezhevich N.M., Khrushchev S.A., Zinoviev A.S., Morachevskaya K.A., Mikheeva N.M., Elatskov A.B., Lachininsky S.S., Stupin Yu.A., Popov F.A., Aksenov K.E. *World Geography in 3 Volumes. Volume 1. Political Geography and Geopolitics* // Textbook and Workshop / Moscow, 2019. Ser. 76 Higher education (2nd ed., Trans. And additional)
6. Karimov R.R. Russian civic identity and the institution of globalization: moving together or apart? // *Ethnic society and international culture*. 2018. No. 2 (116). S. 123-132.
7. Koshkin A.P., Cherdantsev V.V., Gorin D.G., Evseev V.O., Nechaev D.N., Buchkova A.I., Glazunov O.N., Denisenkova N.N., Kaverina N.A., Kovrigin V.V., Perendzhiev A.N., Prokopenko E.E., Tikhomirov D.A., Khaustova N.A. *Political science* // MOSCOW, 2019.
8. Mukhametov R.S. *Political regionalistics* // study guide for students enrolled in the bachelor's program in the direction of preparation 41.03.04 "Political science": Electronic resource / Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Yekaterinburg, 2016.
9. Prostarnakova E.E., Zheltov V.V. Features of the development of regional studies in Russia // *School of Science*. 2018. No. 11 (11). S. 51-52.
10. Shashkova Y.Yu. Trends in the political development of the Altai Territory in the post-Soviet period. // In the collection: *Topical issues of the history of Siberia. Twelfth Scientific Readings in Memory of Professor A.P. Borodavkina Collection of scientific articles of the All-Russian scientific conference*. Edited by V.A. Skubnevsky, D.S. Bobrov. 2019.S. 149-152.

СИСТЕМА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Блинов Дмитрий Александрович
студент Института экономики и права РТУ МИРЭА

Шагаев Виктор Алексеевич,
к.ю.н., доцент кафедры интеллектуальных прав РТУ
МИРЭА

В статье дается анализ основных направлений осуществления политики военного коммунизма в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, а также рассмотрена система и функционал основных органов советского государства по реализации этой политики.

Ключевые слова: военный коммунизм, продразверстка, Совета Народных Комиссаров, Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), трудовая повинность.

«Военный коммунизм» – это экономическая политика большевиков, которые пришли к власти в результате октябрьского переворота в 1917 году. В историографии существует две противоположные оценки взаимовлияния военного коммунизма и Гражданской войны. Одни считают, что именно политика военного коммунизма привела к Гражданской войне. Другие полагают, что военный коммунизм был следствием тяжелого положения страны в период начала Гражданской войны и объяснялся необходимостью преодолеть возникшие на этом этапе экономические трудности.

Основными направлениями политики военного коммунизма в отечественной истории выделяют всеобщую трудовую повинность, отмену частной торговли, продовольственную диктатуру, национализацию всей промышленности, кроме легкой, которая была национализирована лишь частично. Такая политика основывалась на коммунистической идеологии, в которой идеал планового хозяйства виделся в превращении страны в единую фабрику, головная «контора» которой непосредственно управляет всеми хозяйственными процессами.

Таким образом, для реализации всего перечня мер, указанных выше, требовалась значительные административные и бюрократические силы, которые проводили и обеспечивали бы надлежащее исполнение политики новой власти. Для этого в первые годы существования советской республики создаются новые государственные органы, которые предельно отличаются, благодаря принципиально новой экономической системе от предшествовавшего им царского аппарата управления. Данная система органов и является предметом исследования настоящего реферата.

Первым шагом к полной национализации промышленности и транспорта стал Закон (ноябрь 1917 г.) о создании ВСНХ¹. Декретом ВЦИК от 15 декабря 1917 г. был создан особый аппарат новой власти - Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), который должен был осуществлять меры по национализации крупной промышленности, введении всеобщей трудовой повинности, переводу промышленности на мирное производство. При ВСНХ были созданы отраслевые комитеты (совнархозы).

Также на ВСНХ была возложена «задача организации народного хозяйства и государственных финансов», для осуществления которой ВСНХ

¹ Декрет ВЦИК и Совета народных комиссаров от 5 декабря 1917 года «О Высшем Совете Народного Хозяйства» http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_64.htm

наделялся полномочиями выработки общих норм и планов регулирования экономики, координации деятельности центральных и местных регулирующих органов, народных комиссариатов, Всероссийского совета рабочего контроля и профсоюзов рабочих.

В дополнение, ВСНХ предоставлялось «право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственного финансирования».

Структура ВСНХ включала: Всероссийский совет рабочего контроля, комиссию из представителей народных комиссаров, группу экспертов, отраслевые отделы. Руководящим органом было Бюро ВСНХ.

Поначалу ВСНХ мыслился как центральный орган регулирования всего народного хозяйства страны, на практике он превратился в главный орган управления государственной промышленностью.

Как отмечалось выше, при ВСНХ были созданы отраслевые комитеты – Совнархозы. Это были «местные учреждения по организации и реализации производства, руководимые Высшим советом народного хозяйства и действующие под общим контролем соответствующего совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». В состав совнархозов включали избранных на соответствующих съездах и конференциях представителей профсоюзов, земельных комитетов, кооперативов, управления предприятий. Численный состав совнархоза устанавливался решением местного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.²

Для выработки принципиальных решений и координации работ проводились съезды совнархозов. На первых трёх таких съездах (с мая 1918 по январь 1920 года) выступил председатель Совнаркома В. И. Ленин. По мере проведения в стране национализации расширялся круг предприятий, попадавших в государственный сектор экономики и тем самым входивших в сферу влияния совнархозов.

Продразвёрстка - политика обеспечения заготовок продовольствия за счёт обложения крестьян налогом на зерновые и другие продукты. В январе 1919 г. введена продразверстка как основное средство обеспечения армии, рабочих и городского населения продовольствием. Размеры и пропорции продразверстки между производящими губерниями планировались централизованно. Внутри губерний разверстка осуществлялась по социальному принципу, с учетом экономического положения крестьянского двора.³

Декретом Совета Народных Комиссаров от 27 октября 1917 года был образован Народный комиссариат продовольствия РСФСР. В апреле 1918

2 Положение о районных (областных) и местных Советах народного хозяйства (утв. ВСНХ 23 декабря 1917 г.) // Собрание узаконений РСФСР. П., 1917 г. № 13, ст. 186

3 Исаев И.А. История государства и права России: Учебник – М.: «Юристъ» – 2004 – 800 с., С. 570.

г. Совнарком своим декретом возлагал на Наркомпрод обязанность производить закупку потребительских товаров для обмена их у крестьян на зерно. Обмен должны были производить местные органы Наркомпрода, однако для подобной масштабной и централизованной акции еще не было соответствующего аппарата.

Для непосредственного проведения политики продразвёрстки активно формировались так называемые продовольственные отряды. В их состав в основном входили рабочие, солдаты и матросы. Деятельность продотрядов заключалась в изъятии зерна, при необходимости насильственно.

11 июня 1918 года декретом ВЦИК и СНК под названием «Об организации и снабжении деревенской бедноты» были образованы новые органы власти на селе под названием «комитеты бедноты». В их задачи входил розыск запасов продовольствия, скрытых местными крестьянами от советской власти, а также – оказание содействие другим органам при закупке ими зерна по государственным ценам и при реквизиции излишков хлеба.

В соответствии с «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой III Всероссийским съездом Советов 12 января 1918 г., в стране вводилась всеобщая трудовая повинность. В декларации труд признавался обязанностью всех граждан и провозглашался лозунг: «Не трудящийся да не ест».⁴ Этим вводилась необходимая обязательная работа для государства и общественной пользы для всех граждан возрастом с 16 до 50 лет, за исключением трудоспособных.

К концу 1918 г. были подробно разработаны процедура и сеть органов «распределения рабочей силы». Обычным мероприятием стали мобилизации специалистов отдельных отраслей народного хозяйства (железнодорожники, медики, почтовые служащие, работники топливной, суконной, металлургической, электротехнической и другой промышленности). Такие мобилизации проводились с ноября 1918 по октябрь 1920 г.

Согласно декрету СНК от 29 января 1920 года «О порядке всеобщей трудовой повинности», всё трудоспособное население, независимо от постоянной работы, привлекалось к выполнению различных трудовых заданий. Декретом при Совете обороны был создан Главный комитет по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд) во главе с Дзержинским.

Также в 1920 году началось создание трудовых армий – формирований, которые создавались на базе управлений, частей, соединений и запасных частей РККА для помощи народному хозяйству.

Одним из элементов военного коммунизма стала монополия внешней торговли. В конце декабря 1917 года внешняя торговля была поставлена под контроль Наркомата торговли и промышленности, а в апреле 1918 года объявлена государственной

4 Бабенко В.Н. История отечественного государства и права: учебник – М.: ЮСТИЦИЯ – 2016 – 380 с., С. 239.

монополией. Был национализирован торговый флот.

В 1920 году превалировала концепция милитаризации экономики. Милитаризацию труда должны были осуществлять профсоюзы. Хозяйственные задачи следовало рассматривать как военные. Милитаризация труда составляла часть единого хозяйственного плана, охватывавшего всю страну. Перемещение рабочей силы должно осуществляться наподобие переброски армий на войне. Троцкий предполагал, что профсоюзы превратятся в «аппараты рабочего государства», что произойдет сращивание профсоюзных и советских органов.

Таким образом, в РСФСР условиях гражданской войны и иностранной интервенции были созданы следующие чрезвычайные органы: Совет рабочей и крестьянской обороны, Революционный военный совет республики, революционные трибуналы, революционные комитеты, комитеты бедноты и другие. Однако в этот период продолжали функционировать и такие конституционные органы власти, как Всероссийские съезды Советов, ВЦИК, СНК, местные Советы и их исполкомы. При этом Президиум ВЦИК и ВЧК получили в этот период более широкие полномочия.

Литература

1. Бабенко В. Н. История отечественного государства и права: учебник – М.: ЮСТИЦИЯ – 2016 – 380 с.
2. Исаев И. А. История государства и права России: Учебник – М.: «Юристъ» – 2004 – 800 с., С. 598.
3. Толстая А. И. История государства и права России: Учебник для вузов. – М.: «Юстицинформ», «Омега-Л» - 2010 – 129 с.
4. Собрание узаконений РСФСР. П., 1920 г.
5. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5.htm.

The system of state authorities for the implementation of the policy of war communism

Blinov D.A., Shagaev V.A.

RTU MIREA

The article analyzes the main directions of the implementation of the policy of war communism during the years of the civil war and foreign military intervention, and also considers the system and functionality of the main bodies of the Soviet state for the implementation of this policy.

Key words: war communism, surplus appropriation, the Council of People's Commissars, the Supreme Council of the National Economy (VSNKh), labor service.

References

1. Babenko V. N. History of the domestic state and law: textbook - M.: JUSTICE - 2016 - 380 p.
2. Isaev IA History of State and Law of Russia: Textbook - M.: "Yurist" - 2004 - 800 p., S. 598.
3. Tolstaya AI History of state and law of Russia: Textbook for universities. - M.: "Yusticinform", "Omega-L" - 2010 - 129 p.
4. Collection of legalizations of the RSFSR. P., 1920
5. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5.htm.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РФ

Пахомов С.А.,
магистрант Липецкого филиала РАНХиГС

Ломакин С.С.
зав. кафедрой гражданского права и процесса Липецкого филиала РАНХиГС

В статье рассмотрены организационно-правовые основы поддержки малого предпринимательства в субъекте Российской Федерации.

Ключевые слова: малое предпринимательство, государственная поддержка, административно-правовое регулирование, государственные программы.

Малый бизнес в силу своей специфики ориентирован на потребности местного рынка, локальный спрос, он является одним из главных факторов в обеспечении устойчивого развития региона, реализации его инновационного потенциала, создании новых рабочих мест для населения территории, увеличении доли среднего класса и снижении масштабов дифференциации доходов, достижении необходимых структурных изменений и т. д. Этим объясняется то обстоятельство, что вопросам взаимодействия власти и малого предпринимательства уделяется особое внимание со стороны государственных и местных органов власти. В.В. Путин, обращаясь к руководителям регионов, подчеркивал: «поддержка малого и среднего предпринимательства – это ... зона прямой ответственности регионов и муниципалитетов... поскольку именно вам лучше известны его реальные проблемы и потребности в каждом конкретном регионе или населенном пункте ...».

Рассмотрим цели, принципы и основные направления поддержки малого предпринимательства на региональном уровне [1, с. 188]. К числу целей поддержки малого предпринимательства на региональном уровне можно отнести:

- создание правовых и экономических условий, обеспечивающих устойчивые темпы развития малого предпринимательства;
- рост основных показателей развития малого бизнеса (объемы производства продукции, численность занятых в данном секторе экономики, объем инвестиций и т. д.);
- повышение экономической и социальной эффективности малых предприятий;
- увеличение налоговых поступлений в бюджеты территорий;
- рост доходов и уровня социальной защищенности, работающих в секторе малого бизнеса;
- создание предпосылок для удовлетворения материальных и социальных потребностей населения региона и т. д.

К числу принципов государственной поддержки малого предпринимательства на региональном уровне относят комплексность, стратегическую направленность на рост потенциала малого бизнеса, максимизацию использования человеческого и ресурсного потенциала территории, гибкость и адаптивность, учет и согласование интересов органов государственной власти регионального уровня, органов местного самоуправления, предпринимателей, населения региона и др. [2, с. 125].

Основными направлениями государственной поддержки малого предпринимательства на уровне региона являются:

- оптимизация нормативной и правовой базы администрирования малого бизнеса со стороны органов власти регионов и органов местного самоуправления,

- развитие систем финансово-кредитной, имущественной поддержки малого предпринимательства, подготовки кадров для малого бизнеса,

- совершенствование инфраструктуры поддержки малого бизнеса, содействие развитию общественных объединений и профессиональных ассоциаций предпринимателей и повышению эффективности их взаимодействия с органами власти и т. д.

Важнейшая задача органов государственной власти регионов и органов местного самоуправления – обеспечение качественно нового уровня развития малого и среднего предпринимательства, создание условий и стимулов такого развития с учетом особенностей территорий, выявление той меры государственного участия в хозяйственной жизни, при которой для малого и среднего бизнеса создаются максимально комфортные условия.

Не менее важно:

- сформировать класс государственных менеджеров, понимающих и способных учитывать запросы бизнеса к системе государственного управления;

- повысить эффективность информирования субъектов малого предпринимательства об изменении нормативных и правовых актов, регулирующих их деятельность, о возможных последствиях их применения, о практических шагах, предпринимаемых органами власти регионов в сфере поддержки малого предпринимательства;

- создать условия для развития эффективных форм взаимодействия малого и крупного бизнеса, разработки и внедрения прогрессивных финансовых технологий поддержки малого предпринимательства, преодоления ограничений сбыта продукции малых предприятий;

- совершенствовать критерии оценки мер государственной поддержки малого предпринимательства на региональном уровне (новые критерии должны позволять учитывать позитивные изменения в отраслевой структуре малого предпринимательства, в инновационной активности субъектов малого предпринимательства, эффективность использования бюджетных ассигнований на поддержку данного сектора экономики, степень развития аутсорсинга, лизинга, франчайзинга, государственно-частного партнерства и т. д.);

- обеспечить стратегический подход к поддержке малого предпринимательства на всех уровнях власти и управления, что предполагает, в том числе, и нацеленность на решение задач изменения отраслевой структуры российского малого и среднего предпринимательства, повышения эффективности и конкурентоспособности малых предприятий, реализации потенциала регионов и му-

ниципальных образований, а также обеспечение непротиворечивости отдельных мер поддержки малого бизнеса между собой и применительно к мерам экономической политики РФ и ее регионов, в целом.

В рамках подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства Липецкой области на 2014–2020 годы» (далее – Подпрограмма) в 2016 году сохранены все виды государственной поддержки. Кроме того, значительно увеличены суммы субсидий в производственном секторе по наиболее востребованным направлениям. Размер возмещения затрат по модернизации производства увеличен с 3 до 5 млн. рублей, по «лизинг-гранту» – с 1 до 3 млн. рублей, по подключению к источнику электроснабжения энерго-принимающих устройств и экспортноориентированным организациям со 100 до 300 тыс. рублей, инновационным предприятиям с 750 тыс. до 1 млн. рублей [3].

Приоритетной сферой остается производство и импортозамещение. По направлению «модернизация производства» поддержано 56 предпринимательских проектов с общей суммой инвестиций 381,7 млн. руб.

Большая часть проектов в сфере импортозамещения: «Открытие цеха по консервированию овощей и фруктов в Чаплыгинском районе» перерабатывающего кооператива «Долина»; «Организация производства крупы гречневой в Становлянском районе» перерабатывающего кооператива «Русь»; «Создание производства по переработке молока и производству сыра в Чаплыгинском районе» ООО «Раненбургское молоко»; «Расширение производства одноразовых шприцев» ООО «МПК «Елец»; «Создание производства по выпуску энергосберегающих светильников» ООО «Завод светотехнической продукции».

По направлению «лизинг – грант» одобрено 17 предпринимательских проектов, более половины из которых, будут реализованы также в сфере обрабатывающих производств, шесть – в сфере пассажирских перевозок, два проекта предприниматели реализуют в сфере физкультуры и спорта.

С помощью средств государственной поддержки предприниматели занимают новые ниши, направленные на здоровый образ жизни. Так 14 проектов предпринимателей, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта и по созданию горнолыжных комплексов, получают поддержку.

Трендом этого года стало создание молодыми начинающими предпринимателями и предпринимателями из числа безработных граждан кооперативов, в том числе молодежных [1, с. 188]. Из 204 проектов, созданных данными категориями предпринимателей, 65 проектов в сфере кооперации.

В 2016 году сохранены доступные микрораймы, выдаваемые НМФО «Липецкий областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства», с процентной ставкой от 2 до 8%.

Для субъектов малого и среднего бизнеса, осуществляющих деятельность в сфере промышленности, с 2016 года увеличены размер и срок

предоставления займов: – число выданных микрозаймов в областном фонде составило 379, что ниже, чем в прошлом году, что объясняется увеличением размера выдаваемых займов.

В 2016 году «Липецкий областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства» в числе первых региональных гарантийных фондов страны заключил Соглашение о сотрудничестве с Федеральным государственным автономным учреждением «Российский фонд технологического развития».

Работа в рамках подписанного соглашения позволит предпринимателям Липецкой области привлекать займы Федерального Фонда развития промышленности на реализацию крупных промышленных экспортно-ориентированных проектов под гарантию Липецкого областного Фонда. Первый и пока единственный в РФ проект «Интермаш» в декабре 2016 года получил льготный займ под поручительство Липецкого фонда и АО «Федеральная корпорация по развитию МСП».

В 2016 году Администрация Липецкой области подписала соглашение о взаимодействии по вопросам развития бизнеса с акционерным обществом «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства». Один из главных инструментов Корпорации – Программа стимулирования кредитования «6,5», предполагающая льготные кредиты бизнесу через банки-партнеры для приобретения основных средств, модернизации и реконструкции производства, запуска новых проектов. Благодаря активной позиции Липецкой области по снижению минимальной стоимости инвестиционного проекта по этой Программе снижен нижний лимит кредита с 50 млн. рублей до 10 млн. рублей [4].

В 2016 году Липецкая область представила в Минэкономразвития пилотный проект «МФЦ для бизнеса», который предполагает предоставление представителям бизнеса или гражданам, планирующим открытие собственного дела, государственных, муниципальных и сопутствующих услуг по принципу «одного окна». В системе многофункциональных центров области действуют 48 бизнес-окон, в каждом из которых оказывается более 300 видов услуг федеральных, региональных, муниципальных органов власти, федеральной корпорации, а также услуг других организаций.

Стратегическим направлением развития сегодня является экспорт. В целях координации совместных действий по оказанию помощи экспортно-ориентированным предприятиям между администрацией Липецкой области и АО «Российский экспортный центр» заключено соглашение, в рамках которого создан региональный центр поддержки экспорта.

Оказание мер имущественной поддержки реализуется на государственном и муниципальном уровнях путем передачи имущества, свободного от прав третьих лиц, во владение и пользование субъектам МСП для ведения предпринимательской деятельности, а также организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов

МСП как на возмездной основе (в т.ч. на льготных условиях), так и на безвозмездной основе. Предназначенные для таких целей объекты включены в соответствующие перечни имущества, утверждаемые государственными и муниципальными органами власти.

В области подобные перечни муниципального имущества сформированы практически во всех районах области, за исключением Лев-Толстовского района, и содержат информацию о 220 объектах.

Существенно расширен перечень госимущества Липецкой области, включающий 25 нежилых помещений.

Субъектам МСП и организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов МСП, также предоставлены имущественные преференции по 34 помещениям, включенным в перечень федерального имущества на территории области.

Кроме того, в целях имущественной поддержки производственные площади, полностью готовые к размещению бизнеса, предпринимателям предоставляют индустриальные парки «Кузнецкая слобода» (Лебедянский район) и «Рождество» (Краснинский район), а также 9 бизнес-инкубаторов в городах Липецке и Ельце, Добринском, Усманском, Хлевенском, Чаплыгинском, Тербунском районах. Площадки, обеспеченные инженерной и коммунальной инфраструктурой, предоставляются в рамках 10 особых экономических зон и туристско-рекреационного автокластера «Задонщина».

Укрепление имущественной основы для ведения предпринимательской деятельности сопровождается повышением уровня информированности с использованием информационно-коммуникационных систем, в том числе Липецкого регионального портала малого и среднего предпринимательства.

С 1998 года в Липецкой области работает Координационный Совет по развитию малого и среднего предпринимательства под руководством главы администрации области О.П. Королева, который на 50 % состоит из представителей общественных объединений предпринимателей[3].

В составе координационного Совета работают 15 рабочих групп по различным сферам деятельности. Наиболее актуальные вопросы, касающиеся предпринимательской деятельности, рассматриваются сначала на заседаниях рабочих групп, и при необходимости вопрос выносится на заседания Совета.

Все вопросы, рассмотрение которых инициировано предпринимательским сообществом, вошли в План работы Совета. Среди них внесение изменений в нормативные правовые акты, регулирующие вопросы подключения к газовым сетям; конкурентной среды в сфере закупок; размещения сезонных (летних) кафе (площадок) при стационарных предприятиях общественного питания при реализации алкогольной продукции; правовой грамотности субъектов малого и среднего бизнеса и т.д.

В 2016 году прокуратурой области совместно с администрацией области впервые проведен «Пер-

вый открытый форум по вопросам защиты прав предпринимателей». На новой дискуссионной площадке свое мнение по вопросам развития предпринимательской инициативы населения, путей преодоления проблем, стоящих на пути развития бизнеса, высказали представители региональной власти, общественных организаций и объединений, бизнеса.

Следует отметить, что существуют значительные различия в показателях развития малого предпринимательства в отдельных субъектах Федерации. Также, существует значительная дифференциация российских регионов с точки зрения эффективности в них поддержки малого предпринимательства.

На освоении изложенного можно сделать следующие выводы.

В Липецкой области административно-правовое регулирование деятельности малого предпринимательства осуществляется с использованием программно-проектного метода. В частности, в Липецкой области реализуется подпрограмма 4 «Развитие малого и среднего предпринимательства» государственной программы Липецкой области «Развитие малого и среднего предпринимательства».

Основной целью административно-правового регулирования малого и среднего предпринимательства в Липецкой области является увеличение вклада малого и среднего предпринимательства в экономику в целом с одновременными структурными изменениями в сфере малого и среднего предпринимательства в пользу производственного и инновационного сектора.

Приоритетными направлениями административно-правового регулирования малого и среднего предпринимательства являются следующие виды деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: 1) обрабатывающие производства; 2) оказание услуг: бытовых, медицинских, в системе дошкольного воспитания, жилищно-коммунальных, транспортных, связи, по ремонту вычислительной техники, физической культуры и спорта; 3) общественное питание; 4) торговая деятельность в сельских населенных пунктах с численностью населения менее 200 человек.

Основной задачей административно-правового регулирования малого и среднего предпринимательства в Липецкой области является формирование эффективных механизмов государственной поддержки для устойчивого развития субъектов малого и среднего предпринимательства, повышение самозанятости населения.

При этом социальная эффективность такого регулирования выражается в сокращении численности безработных, сохранении рабочих мест и создании новых высокопроизводительных рабочих мест путем увеличения численности занятых в сфере малого и среднего бизнеса.

Учитывая социальную направленность деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства публично-правовое регулирование

данной сферы должно осуществляться на постоянной основе.

Используемый на сегодняшний день в Липецкой области программно-проектный метод административно-правового регулирования малого и среднего предпринимательства не может обеспечить такого постоянного регулирования (так как программа рассчитана до 2020).

Литература

1. Глинова Т.А. Проблемы развития малого бизнеса в России // Концепт. – 2015. – № 8. – С.188–189.

2. Перекрестова Л.В., Иризепова М.Ш. Налоговое регулирование развития малого и среднего предпринимательства в регионах. Вестник Волгоградского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 125–134.

3. Об утверждении Порядков предоставления субсидий в соответствии с подпрограммой «Развитие малого и среднего предпринимательства в Липецкой области на 2014 – 2020 годы» государственной программы Липецкой области «Модернизация и инновационное развитие экономики Липецкой области» на 2017 год: постановление Администрации Липецкой области от 10 мая 2017 г. № 218 // Липецкая газета. – 2017. – 24 мая.

4. Об утверждении Порядков предоставления субсидий в соответствии с подпрограммой «Развитие малого и среднего предпринимательства в Липецкой области на 2014 – 2020 годы» государственной программы Липецкой области «Модернизация и инновационное развитие экономики Липецкой области» на 2017 год: постановление Администрации Липецкой области от 10 мая 2017 г. № 218 // Липецкая газета. – 2017. – 24 мая.

Administrative and legal regulation of small business support at the level of constituent entities of the Russian Federation

Pakhomov S.A., Lomakin S.S.

Lipetsk branch of the RANEPa

The article discusses the organizational and legal basis for supporting small businesses in the constituent entity of the Russian Federation.

Key words: small business, government support, administrative and legal regulation, government programs.

References

1. Glinova T.A. Problems of small business development in Russia // Concept. - 2015. - No. 8. - P.188–189.
2. Perestova L.V., Irizepova M.Sh. Tax regulation of the development of small and medium-sized businesses in the regions. Bulletin of the Volgograd State University. - 2014. - No. 4. - P. 125–134.
3. On approval of the Procedures for the provision of subsidies in accordance with the subprogram "Development of small and medium-sized enterprises in the Lipetsk region for 2014 - 2020" of the state program of the Lipetsk region "Modernization and innovative development of the economy of the Lipetsk region" for 2017: Resolution of the Administration of the Lipetsk region dated May 10 2017 No. 218 // Lipetsk newspaper. - 2017. -- May 24.
4. On approval of the Procedures for the provision of subsidies in accordance with the subprogram "Development of small and medium-sized businesses in the Lipetsk region for 2014 - 2020" of the state program of the Lipetsk region "Modernization and innovative development of the economy of the Lipetsk region" for 2017: Decree of the Administration of the Lipetsk region dated May 10 2017 No. 218 // Lipetsk newspaper. - 2017. -- May 24.

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СПОСОБЫ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Сидорова Д.В.

магистр Липецкого государственного политехнического университета

Рассматривается система государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации, а также, выделяются коллизии законодательства в данной сфере и способы их урегулирования.

Ключевые слова: государственные закупки, электронная площадка, размещение заказа, аккредитация, государственные и муниципальные нужды.

Институт государственных закупок считается одним из старейших в России. На протяжении всего своего существования он имел специфику характерную определённому историческому периоду. Большинство ученых- правоведов относят зарождение данного института к 17 веку.

Система государственных и муниципальных закупок является сферой отношений, от развития которой непосредственно зависит эффективность государственного регулирования экономики, а также реализация важнейших целей и задач, стоящих сегодня перед Российской Федерацией применительно к среднесрочной и долгосрочной перспективе социально-экономического развития.

Высокая значимость закупок для государственных и муниципальных нужд обусловлена, прежде всего, их особой целевой направленностью, поскольку они необходимы для удовлетворения потребностей, как государства, так и отдельно взятого муниципального образования. Посредством административных процедур закупок обеспечивают государственные и муниципальные нужды.

В Законе о размещении заказов, который регламентировал преимущественно стадию отбора победителя (поставщика), применялось понятие «размещение заказа».

Законодательное определение понятия размещение заказа, а также административных процедур по размещению заказа отсутствовало, что квалифицируется некоторыми специалистами в качестве недостатка действовавшего законодательства.

Определению понятия «закупка» посвящено множество исследований ученых- правоведов и ученых-экономистов.

Бордунова С.А. определяет закупку как «процесс, направленный на приобретение товаров для государственных нужд, финансируемых из средств налогоплательщиков и необходимых для осуществления функций и полномочий государства» [1].

Усматривается неполнота приведенного определения, поскольку предметом осуществления закупок является не только приобретение конкретных товаров, но и оказание услуг, выполнение работ, также необходимых для удовлетворения государственных и муниципальных нужд.

Т.А. Халиуллин выработал представление о процедуре закупок как о «системе последовательных юридически значимых операций и действий, обеспечивающих соответствие принимаемых в

процессе государственных закупок решений установленным требованиям» [2].

При этом фактически указывая, что закупка состоит из двух последовательно связанных этапов: размещение заказа и заключение контракта. Приведенная точка зрения не в полной мере раскрывает административно-правовую природу процедуры закупок, поскольку кроме названных этапов, немаловажную роль в федеральной контрактной системе играют стадии планирования, прогнозирования государственных и муниципальных нужд, исполнения контрактов и другие.

К.В. Кузнецов предлагает следующую дефиницию закупки: «совокупность методов, позволяющих максимально эффективно удовлетворять потребности организации (заказчика) в товарах, работах и услугах» [3].

В.И. Смирнов, Н.В. Нестерович разделяют указанное мнение, понимая под закупкой «совокупность практических методов и приемов, позволяющих максимально обеспечить интересы заказчика при проведении закупочной кампании посредством конкурсных торгов» [4].

Но, несмотря на попытки законодателя максимально точно и детально урегулировать систему государственных закупок, нельзя не сказать, что она идеальна и не нуждается в доработке. Несмотря на проведенные изменения, обеспечить эффективное регулирование отношений в сфере государственного заказа в той мере, в которой задумывалось, российскому законодателю, на наш взгляд, не удалось. Закон совершенствуется до сих пор, что не может сказываться как на заказчиках, так и на участниках закупки.

Учитывая строгое соблюдение законодательства и частое его изменение – заказчики и участники стали вести «битву правовой осведомленности», что на наш взгляд в данном случае совсем не правильно. «Законодатель должен придумать механизм, благодаря которому удастся облегчить для поставщиков юридическую сторону участия в государственных закупках. Для того чтобы сделать Закон о контрактной системе по-настоящему работоспособным, необходимо постоянно анализировать практику его применения и на этой основе вносить изменения и дополнения в существующее законодательство» [5].

Редактуры, по нашему мнению, в законе требуют нормы, установленные в ч. 12 ст. 61 Закона о контрактной системе. [6] А именно тезис о том, что оператор электронной площадки не осуществляет проверку достоверности документов и информации участников аукциона, равно как и проверку изменений, внесенных ими в документы. Следовательно, документы участника и предоставляемая им информация (во время срока, на который получается аккредитация) не проверяется никем на соответствие требованиям законодательства. О соответствии участника аукциона можно говорить только в очень ограниченный момент – во время проведения процедуры аккредитации.

Отсутствие необходимых документов в реестре участников или их недостоверность должны озна-

чать прекращение аккредитации претендента на участие в аукционе. А лишение участника аккредитации должно быть обязанностью оператора электронной торговой площадки.

«Ведь сам термин «аккредитация» происходит от латинского *accrere* – доверять, быть уверенным в чем-либо, таким образом, аккредитация (англ. *accreditation*) означает «давать уверенность». Практика (установленная законодательно), складывается таким образом, что лишь на момент прохождения аккредитации электронные площадки «дают уверенность» широкому кругу заинтересованных лиц, что услуги по аккредитации оказаны компетентно и надежно» [7]. После получения аккредитации такой уверенности уже не может быть. До тех пор, пока оператор электронной площадки не имеет законодательно установленной обязанности проверять документы участников закупок при любом их изменении, участники могут вступать в сговор друг с другом, создавать картели.

Если закрепить за оператором обязанность проверки измененных данных – это могло бы значительно сократить возможность сговора участников. Некоторые надежды можно возлагать на внедряемую информационную систему «Независимый регистратор», которая начала функционировать с 27 ноября 2014 г.

В настоящее время использование этой программы для участников закупок является добровольным, а проект Федерального закона «О государственной информационной системе «Независимый регистратор» [8] не внесен в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации и находится на доработке в Минкомсвязи России.

Если система будет законодательно вменена для применения не только всеми электронными торговыми площадками, но и участниками закупки, то решение в борьбе с картелями будет найдено. И, возможно, будет решена проблема коррупционных действий операторов электронных площадок, нашедшая свое подтверждение в опросе, проведенном Институтом госзакупок, согласно которому более половины участников торгов сталкивались с недобросовестными действиями операторов электронных площадок.

«Перестраховываясь, участники подают заявки лишь накануне срока окончания подачи заявок или даже в последний день. Это, в свою очередь, заставляет нервничать заказчиков, лишая их уверенности в том, что закупка в принципе состоится» [7].

Данные обстоятельства приводят к тому, что заказчики, стараясь соблюсти все требования законодательства о контрактной системе при проведении электронного аукциона, проверяя достоверность представляемых участниками документов, и признавая, наличия в указанных документах недостоверной информации об участнике такого аукциона, зарабатывают себе неприятности, в виде принятия антимонопольными органами в отношении них решений о нарушении закона о контрактной системе, а так же к срыву запланированной

закупки. А в дальнейшем и в арбитражных судах, заказчикам достаточно сложно быть уверенными в своей правоте в связи с неоднозначной судебной практикой.

Так Арбитражный суд Уральского округа, в постановлении от 9 ноября 2015 г. No Ф09–7288/15 по делу No А07–5595/2015[9], признавая наличия в документах недостоверной информации об участнике аукциона на дату и время окончания срока подачи заявок на участие в таком аукционе, признал решение антимонопольного органа незаконным. В похожей ситуации, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 4 июля 2017 года No 17АП–7339/2017-АК по делу No А60- 1143/2017 [10]. остался на стороне антимонопольного органа.

Следующая коллизия, также заслуживающая скорейшего разрешения, связана с установлением дополнительных требований при проведении электронных аукционов (ч. 2 ст. 31 Закона о контрактной системе). Напомним, что Правительство РФ вправе устанавливать к участникам отдельных видов закупок дополнительные требования.

Например, требования к наличию финансовых и материальных ресурсов, подтверждения деловой репутации. В отношении такого рода продукции заказчики обязаны, со своей стороны, также устанавливать дополнительные требования. Такие требования установлены, в частности постановлением Правительства РФ No 99 [11].

Однако если мы посмотрим на ч. 2.1 ст. 56 Закона о контрактной системе, то заметим, что заказчик имеет право проводить закупки по ч. 2 ст. 56 Закона о контрактной системе в иных формах помимо конкурса с ограниченным участием, не имея права при этом устанавливать дополнительные требования. То есть единственным выходом применения постановления Правительства РФ No 99 для заказчиков является установление дополнительных требований только в рамках проведения конкурса с ограниченным участием.

Существует совместное письмо Минэкономразвития России No 23275-ЕЕ/Д28и, ФАС России No АЦ/45739/15 от 28 августа 2015 года [12] о применении постановления Правительства РФ No 99, однако юридической силы оно не несет и правовую коллизию не ликвидирует. Между тем пока существует эта коллизия, спокойно продолжают жить так называемые профессиональные рейдеры госзаказа, которые, не ставя перед собой цель принять участие в закупке, стремятся найти в документации заказчиков нарушения.

У заказчиков, находящихся в «заложниках» у недоработок закона, нет средств и способов борьбы с такими участниками. Все, что они могут сделать, – строго действовать в соответствии с законодательством. И, возвращаясь к рассматриваемой ситуации, устанавливать дополнительные требования только при проведении конкурсов с ограниченным участием. Однако, далеко не у всех заказчиков контрактная служба обладает достаточными квалификационными знаниями, и существует огромное количество судебных решений,

которыми подтверждается единственная возможность установления дополнительных требований к участникам закупки только при проведении конкурсов с ограниченным участием.

Например, Верховный суд Российской Федерации отказал Министерству дорожного хозяйства и транспорта Челябинской области в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 19 октября 2017 г. No 309-КГ17–14905 [13], признавая законными ненормативные акты антимонопольного органа, ввиду того, что в силу прямого указания закона спорная закупка, предметом которой является реконструкция искусственного дорожного сооружения с начальной (максимальной) ценой контракта, превышающей установленную законом, подлежала осуществлению путем проведения конкурса с ограниченным участием, в то время как министерство неправомерно выбрало в качестве конкурентного способа определения подрядчика проведение открытого конкурса.

Стоит вспомнить также и п. 7 ч. 2 ст. 62 Закона о контрактной системе, который требует, чтобы в реестр участников электронного аукциона, получивших аккредитацию на электронной площадке, были включены в т. ч. копии документов, подтверждающих полномочия лица на осуществление действий по участию в аукционе от имени участника – юридического лица (в т. ч. полномочия на регистрацию в аукционах). Заказчик, в свою очередь, обязан признать заявку не соответствующей требованиям документации и, соответственно, законодательству, если участник не предоставил информацию и документы. Или же если они не соответствуют требованиям документации. В то же время норма Федерального закона от 08.02.1998 No 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [14] (далее – Закон No 14-ФЗ), указанная в абз. 1 ч. 1 ст. 40 говорит, что единоличный исполнительный орган общества избирается общим собранием участников на срок, определенный уставом (если уставом решение этих вопросов не отнесено к компетенции совета директоров).

При этом Закон No 14-ФЗ не предусматривает обязанность общества продлевать полномочия единоличного исполнительного органа после истечения предусмотренного уставом срока.

Эта коллизия также нуждается в скорейшем решении. Ведь если на электронной площадке действует единоличные исполнительные органы участников закупок – обществ с ограниченной ответственностью – забывшие обновить документы, подтверждающие полномочия, такие участники апеллируют к своему праву в Законе No 14-ФЗ. И обращаются с жалобами в антимонопольную службу, что как минимум тормозит процедуру аукциона. В ряде случаев ФАС России, а в дальнейшем и арбитражные суды вплоть до кассации признавали такие жалобы обоснованными.

Так, Арбитражный суд западно-сибирского округа, своим постановлением от 19 сентября

2017 г. по делу No А70–13022/2016 [15], оставил кассационную жалобу без удовлетворения, хотя казалось бы, заказчик следовал требованиям Закона о контрактной системе, однако антимонопольный орган и суды основывали свою позицию на фактических обстоятельствах дела и возможностях общества с ограниченной ответственностью действовать в рамках закона No 14-ФЗ.

Из материалов следует, согласно протоколу заседания аукционной комиссии по подведению итогов аукциона в электронной форме от 14 июля 2016 г. No 3/АЭ- 0380/16 вторая часть заявки ООО «МонолитСтройПрофиль» была отклонена как не соответствующая пункту 1 части 6 статьи 69, пункту 7 части 2 статьи 62, пункту 5 части 2 статьи 61 Закона о контрактной системе в связи с отсутствием копий документов, подтверждающих полномочия лица на осуществление от имени участника аукциона действий по участию в аукционе. Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды исходили из того, что на момент получения аккредитации на электронной площадке и подачи заявки Чернова О.М. являлась генеральным директором ООО «МонолитСтройПрофиль», оснований полагать, что в указанный период руководителем общества являлось другое лицо, у аукционной комиссии не имелось.

Резюмируя сказанное, представляется верным еще до перевода всех процедур в электронную форму провести подробный анализ пробелов законодательства о контрактной системе. Такая скрупулезная работа необходима уже сейчас, чтобы потом, по факту внедрения новых форм электронных закупок, все участники контрактной системы в полной мере получили бы возможность пользоваться своими правами. Это позволило бы сформировать хороший фундамент для скорейшей «обкатки» новых процедур.

Несмотря на попытки законодателя максимально точно и детально урегулировать систему государственных закупок, нельзя не сказать, что она идеальна и не нуждается в доработке. Закон совершенствуется до сих пор, что не может сказываться как на заказчиках, так и на участниках закупки.

Литература

1. Бордунова С.А. Правовые проблемы регулирования государственных и муниципальных заказов // Право и экономика. – 2012. – № 6. – С.6.
2. Халиуллин Т.А. Процедуры принятия управленческих решений, при конкурсном размещении государственного заказа на поставку продукции для государственных нужд: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – С. 17.
3. Кузнецов К.В. Прокьюремент: тендеры, конкурсы, конкурентные закупки. – М., 2015. – С. 55.
4. Смирнов В.И., Нестерович Н.В. Организация и проведение конкурсов на закупку продукции для федеральных государственных нужд: учеб.-метод. пособие для государственных служащих. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002. – С. 77.

5. Щербак Е.В. Белые пятна Закона о контрактной системе // ГОСАКУПКИ.РУ. – 2016. – №1. – С. 58.

6. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон РФ от 05 апреля 2013. № 44-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

7. Щербак Е.В. Белые пятна Закона о контрактной системе. – М., 2012. –С.60.

8. О государственной информационной системе «Независимый регистратор»: проект Федерального закона РФ: подготовлен Минкомсвязью России // СПС КонсультантПлюс.

9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09 ноября 2015 г. № Ф09–7288/15 по делу № А07–5595/2015 // СПС КонсультантПлюс.

10. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04 июля 2017 г. № 17АП–7339/2017-АК по делу № А60–1143/2017 // СПС КонсультантПлюс.

11. Об установлении дополнительных требований к участникам закупки отдельных видов товаров, работ, услуг, случаев отнесения товаров, работ, услуг к товарам, работам, услугам, которые по причине их технической и (или) технологической сложности, инновационного, высокотехнологического или специализированного характера способны поставить, выполнить, оказать только поставщики (подрядчики, исполнители), имеющие необходимый уровень квалификации, а также документов, подтверждающих соответствие участников закупки указанным дополнительным требованиям: постановление Правительства РФ от 04 февраля 2015 № 99 (ред. от 04 августа 2017 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2015. – № 6. – Ст. 976.

12. О позиции Минэкономразвития России и ФАС России по вопросу о применении постановления Правительства РФ от 4 февраля 2015 г. № 99 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.05.2019).

13. Определение Верховного Суда РФ от 19 октября 2017 г. No 309-КГ17–14905 по делу No А76–18722/2016 .

14. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон Рос. Федерации от 08 февраля 1998 г. No 14-ФЗ (ред. от 29 сентября 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 сентября 2017 г. No Ф04–3730/2017 по делу No А70–13022/2016.

The system of state and municipal procurement in the Russian Federation: conflicts of law and methods of their settlement

Sidorova D.V.

Lipetsk State Polytechnic University

The system of state and municipal purchases in the Russian Federation is considered, and also conflicts of legislation in this area and methods of their settlement are highlighted.

Key words: government procurement, electronic platform, order placement, accreditation, state and municipal needs.

References

1. Bordunova S.A. Legal problems of regulation of state and municipal orders // Law and Economics. - 2012. - No. 6. - P.6.
2. Khaliullin T.A. Management decision-making procedures for the competitive placement of a state order for the supply of products for state needs: abstract dis. ... Cand. jurid. sciences. - M., 1999. -- S. 17.
3. Kuznetsov K.V. Procurement: tenders, competitions, competitive purchases. - M., 2015. -- S. 55.
4. Smirnov V.I., Nesterovich N.V. Organization and holding of tenders for the purchase of products for federal state needs: study guide. allowance for civil servants. - M. : GUVSHE, 2002. -- P. 77.
5. Shcherbak E.V. White Spots of the Law on the Contract System // GOSAKUPKI.RU. - 2016. - No. 1. - S. 58.
6. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: Federal Law of the Russian Federation dated April 05, 2013. No. 44-FZ // ATP ConsultantPlus.
7. Shcherbak E.V. Blank spots in the Law on the Contract System. - M., 2012. -P. 60.
8. On the state information system "Independent Registrar": draft Federal Law of the Russian Federation: prepared by the Ministry of Telecom and Mass Communications of Russia // SPS ConsultantPlus.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated November 09, 2015 No. F09-7288 / 15 in case No. A07-5595 / 2015 // ATP ConsultantPlus.
10. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated July 04, 2017 No. 17AP-7339/2017-AK in case No. A60-1143 / 2017 // ATP ConsultantPlus.
11. On the establishment of additional requirements for participants in the procurement of certain types of goods, works, services, cases of classifying goods, works, services as goods, works, services that, due to their technical and (or) technological complexity, innovative, high-tech or specialized nature, are capable supply, execute, provide only suppliers (contractors, performers) with the required level of qualifications, as well as documents confirming the compliance of procurement participants with the specified additional requirements: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 99 dated February 04, 2015 (as amended on August 04, 2017) // Collected. legislation of the Russian Federation. - 2015. - No. 6. - Art. 976.
12. On the position of the Ministry of Economic Development of Russia and the FAS of Russia on the application of the Decree of the Government of the Russian Federation of February 4, 2015 No. 99 // SPS ConsultantPlus (date of access: 12.05. 2019).
13. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of October 19, 2017 No. 309-KG17-14905 in case No. A76-18722/2016.
14. About limited liability companies: Feder. the law Ros. Federation of February 08, 1998 No. 14-FZ (as amended on September 29, 2017) // Sobr. legislation Ros. Federation. - 1998. - No. 7. - Art. 785.
15. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of September 19, 2017 No. F04-3730 / 2017 in case No. A70-13022 / 2016.

ДИНАМИКА СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Телегин Руслан Евгеньевич

аспирант кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета

В статье автор рассматривает круг субъектов семейных правоотношений, анализирует тенденции, способствующие появлению новых участников исследуемых отношений, обусловленных появлением новых общественных отношений, а также развитием научно-технического прогресса.

Ключевые слова: семейные правоотношения; субъекты семейных правоотношений; супруги; родители; дети; родственники; свойственники.

Субъектный состав любого правоотношения представляет значительный интерес для научного исследования [6;7]. Не являются исключением и семейные правоотношения, субъектный состав которых весьма разнообразен и подвержен значительной динамике. Вместе с традиционным, и даже консервативным «мама, папа, я», развитие общества, научно-технический прогресс диктует условия, при которых даже незыблемые истины и ценности подвергаются модернизации.

В науке семейного права принято выделять следующие виды семейных правоотношений: брачное (супружеское) правоотношение; родительское правоотношение; правоотношения по поводу воспитания и содержания; правоотношения по поводу воспитания; правоотношения по материальному содержанию [2, с. 97–253]. Выделяются алиментные и опекунические правоотношения [5, с. 17–22]. К.Ю. Паршукова, С.С. Калугин выделяют самостоятельные правоотношения по усыновлению [4, с. 14–17; 3, с. 80]. Ю.Ф. Беспалов классифицирует семейные правоотношения в зависимости от основания возникновения: семейные отношения, основанные на браке; семейные отношения, основанные на происхождении детей или кровном родстве; семейные отношения, основанные на принятии несовершеннолетних детей на воспитание; семейные отношения, основанные на иных, предусмотренных законодательством обстоятельствах [1, с. 17–41].

Полагаем, что классификация семейных правоотношений должна осуществляться по субъектам. Разноплановость семейных правоотношений, оснований их возникновения, предопределяет широкий круг их субъектов. Современные вызовы общественного развития неизбежно влекут за собой проблемы правового характера, часть из которых невозможно было предвидеть еще 20–30 лет назад. Правовой статус участника семейных правоотношений в обязательном порядке должен быть определен юридически. Динамика семейных отношений приводит к появлению абсолютно новых субъектов, которые, в свою очередь, не могут привести к возникновению нового семейного правоотношения, поскольку такой субъект представляет собой некую «трансформацию» из уже имеющегося субъекта правоотношения. К таким лицам, например, можно отнести суррогатную мать. Основанием возникновения правоотношений по суррогатному материнству выступает договор смешанной правовой природы. Вместе с тем, полагаем, что появление данного субъекта не может привести к возникновению нового семейного правоотношения, равно как и смена пола также не

приводит к возникновению нового правоотношения, а лишь трансформирует его из одного в другое в зависимости от субъекта.

Так, считаем, что в зависимости от субъектов семейные правоотношения можно классифицировать:

– супружеские правоотношения – супруги (жена, муж);

– родительские правоотношения – родители (мать, отец, ребенок (дети), суррогатная мать, суррогатный ребенок);

– фактические семейные правоотношения – сожители (лица мужского и женского пола, или одного пола), как имеющие, так и не имеющие детей;

– родственные правоотношения – лица, являющиеся членами семьи, связанные кровным родством (бабушки, дедушки, родные полнородные и неполнородные братья и сестры) или относящиеся к ним на основании решения суда (например, лицо вселено в жилое помещение в качестве члена семьи). В рамках

– правоотношения свойства – отношения, связывающие лица, не состоящих в кровном родстве, но имеющие юридические значения в установленных законом случаях (пасынки, падчерицы, мачеха, отчим и др.)

Предложенная классификация семейных правоотношений позволяет обеспечивать трансформацию семейного правоотношения в зависимости от юридического статуса субъекта семейного правоотношения.

В науке семейного права рассматривается вопрос о необходимости включения органов опеки и попечительства в круг участников семейных правоотношений. Но семейные правоотношения находятся в одной плоскости, это отношения, как правило, горизонтального порядка. Органы опеки и попечительства в эту плоскость входить не могут, поскольку выполняют определенные законом функции. Более того, часть семейных правоотношений остается вне поля их зрения. Органы опеки и попечительства включены в круг субъектов семейного права, но не семейных правоотношений.

Литература

1. Беспалов Ю.Ф. Формы семейных отношений в Российской Федерации: некоторые теоретические и практические проблемы и пути их решения / сб. материалов Международной научно-практической конференции «Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект». – М., 2019.

2. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. – М., Юридическая литература, 1972.

3. Калугин С.С. Соотношение родительских правоотношений и отношений усыновителей и усыновленных: реальность и современные проблемы. – Ижевск: Изд-во ИЖГТУ, 2013.

4. Паршукова К.Ю. Общая характеристика отношений, порождаемых усыновлением, и их правовая природа // Семейное и жилищное право. – 2008. – № 2.

5. Рабец А.М. Алиментные и опекунические правоотношения: проблемы взаимодействия // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 2.

6. Гражданское право / Никонович С.Л., Садков А.Н., Ломакин С.С., и др.: учебно-методическое пособие. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. – 480 с.

7. Теория государства и права. Учебник / Авдалян А.Я., Боcharов А.В. и др.: под ред. Н.И. Грачева. – М.: Зерцало, 2018. – 878 с.

Dynamics of the subject composition of family relationship Telegin R.E.

Southwestern State University

In the article, the author examines the range of subjects of family legal relations, analyzes the trends that contribute to the emergence of new participants in the studied relations, due to the emergence of new social relations, as well as the development of scientific and technological progress.

Key words: family legal relations; subjects of family legal relations; spouses; parents; children; relatives; in-laws.

References

1. Беспалов Ю.Ф. Forms of family relations in the Russian Federation: some theoretical and practical problems and ways to solve them / collection of articles. materials of the International scientific-practical conference "Family and family values in the Russian Federation: social and legal aspect". - M., 2019.
2. Vorozheikin E.M. Family relations in the USSR. - M., Legal Literature, 1972.
3. Kalugin S.S. Correlation between parental legal relations and relations between adoptive parents and adopted children: reality and modern problems. - Izhevsk: Izhevsk State Technical University, 2013.
4. Parshukova K.Yu. General characteristics of relations generated by adoption, and their legal nature // Family and housing law. - 2008. - No. 2.
5. Rabets A.M. Alimony and guardianship legal relations: problems of interaction // Family and housing law. - 2018. - No. 2.
6. Civil law / Nikonovich S.L., Sadkov A.N., Lomakin S.S., et al: teaching aid. - Tambov: Publishing house of Pershina R.V., 2014. -- 480 p.
7. Theory of state and law. Textbook / Avdalyan A.Ya., Bocharov A.V. and others: ed. N.I. Gracheva. - M.: Zertsalo, 2018. -- 878 p.